

**ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ
ДЛЯ ПОДРОСТКОВ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ**

Фёдор Фёдорович Ушаков

«Фёдор Фёдорович Ушаков»

Жизнь замечательных людей. Серия биографий: /Сост. Т. Л. Сухарева. – Рыбинский Муниципальный район. МОУ Ермаковская средняя общеобразовательная школа, 2009. – с. 47

Авторский коллектив: Т. Л. Сухарева, И. Бахшализаде, Е. Вехина, А. Волкова, А. Грунт, К. Михайлов, Ю. Пазухина, В. Смирнов, К. Смирнов, М. Чекунов, В. Шорин

Рецензент: Н. Н. Позднякова

Книга рассказывает о жизни и деятельности выдающегося русского флотоводца, адмирала Фёдора Фёдоровича Ушакова – основоположника маневренной тактики парусного флота, сторонника суворовских принципов обучения и воспитания военных моряков. Основана на архивных материалах и текстах научной и художественной литературы, предназначена для чтения подростков 11-15 лет и родителей.

@ МОУ Ермаковская средняя общеобразовательная школа, Муниципальный Рыбинский район, 2009

Содержание

Вместо предисловия	4
Стихотворения «Адмирал Ушаков»	5
Глава 1. 1817 год...	5
Глава 2. Детство	6
Глава 3. Преподобный Феодор	7
Глава 4. Мечта	8
Глава 5. Бурнаково	8
Глава 6. Волга, Святая Русь	10
Глава 7. Церковь Богоявления-на-Острове	12
Глава 8. В Петербурге у Божьего служителя	13
Глава 9. Годы учёбы	15
Глава 10. Кикин дом	16
Глава 11. Храм морских наук	18
Глава 12. На Кронштадтском эллинге	19
Глава 13. Обычный учебный день	20
Глава 14. Долгожданная встреча	21
Глава 15. Прощай, гардемарин! Здравствуй, мичман!	23
Глава 16. Начало Военной службы	24
Глава 17. Вокруг Скандинавии	24
Глава 18. Императорский кабинет	26
Глава 19. Война с Турцией	27
Глава 20. Алексей Наумович Сенявин и южный флот России	28
Глава 21. По Дону на праме	29
Глава 22. Таганрог – Крым – Балаклава	31
Глава 23. Собирать по человечку...	32
Глава 24. Мудрое решение	34
Глава 25. «Северный орёл»	34
Глава 26. Ливорно – Константинополь	35
Глава 27. 1799год. Корфу. Пасха	37
Глава 28. Корфу – Бари – Неаполь	38
Глава 29. Санкт – Петербург	39
Глава 30. Последние годы жизни	40
Глава 31. Санаксарский монастырь	42
Глава 32. Заключение	43
Примечание	45
Библиография	47

Вместо предисловия

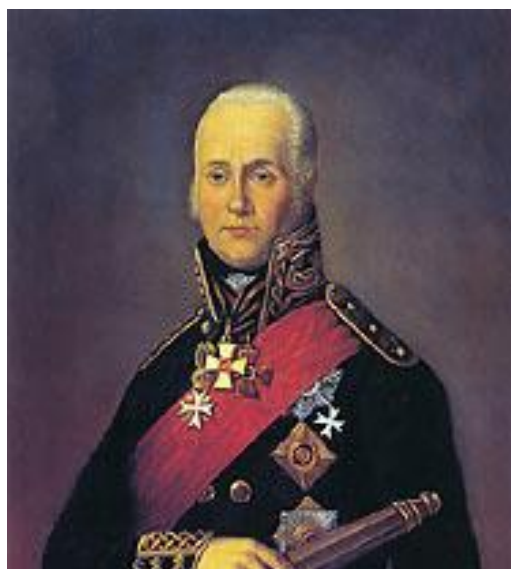
Блажен, кто сердцем жить умеет и желает,
Кто живо чувствует, в ком благодать сильна,
Кто песнь, мольбу, восторг и слёзы понимает,
Кому к прекрасному святая страсть дана!

Е. П. Ростопчина «Кто здесь блажен»

Мир в конце концов всегда воздаёт людям, показывающим образцы исполнения долга, людям храбрым, честным, неподкупным, у которых не истощается бодрость. Он уважает людей, уверенных в своём призвании и исполняющих его, людей, не боящихся энергично сказать «нет», не стыдящихся сказать «не могу», людей, занимающих своё место с достоинством, людей, добросовестно исполняющих своё дело, людей правдивых, не способных блюдолизничать и лукавить, людей, которые не ленятся работать, людей, способных творчески мыслить и сломать господство бытовавших взглядов, людей вдохновенных, которые беззаветно служат своему народу и Отечеству, людей, которых любят люди.

Таким был Ушаков...

Валерий Ганичев

УШАКОВ Федор Федорович (1745-1817 гг.), российский флотоводец, адмирал (1799 г.), один из создателей Черноморского флота и с 1790 года его командующий. Разработал и применил маневренную тактику, одержав ряд крупных побед над турецким флотом в Керченском морском сражении, у Тендры (1790г.) и Калиакрии (1791г.). Успешно провел Средиземноморский поход русского флота во время войны против Франции 1798-1800 гг.

Во время Средиземноморского похода Ф. Ф. Ушаков проявил себя как выдающийся флотоводец, искусный политик и дипломат.

Отточенное взаимодействие армии и флота, обеспеченное Ушаковым, проявилось при овладении Корфу, при освобождении от французов Италии, во время блокады Анконы и Генуи, при овладении Римом и Неаполем.

Канонизирован Русской православной церковью в 2001 году.

Адмирал Ушаков

Он мудрый воин, адмирал,
На ратных битвах побывал.
Был мудрым, смелым он в бою...
За подвиги его люблю!

Могучий воин Ушаков
К победе был всегда готов.
С молитвой, Родиной в душе
Сражался храбро он везде.

На разных кораблях служа,
Врагов он побеждал всегда.
И имя я не утаю,
Его я вслух проговорю – Фёдор!

Это наш земляк.
Он адмирал и не простак.
Во славу Божию служил
И православен духом был.

И если России грозила беда,
Встать на защиту готов был всегда.
Непобедимый адмирал
Был милосерден и к врагам.

Настала старость, и тогда
Случилась новая беда:
России флот не нужен стал –
Ушёл в отставку адмирал.

Душой велик тот человек!
Когда-то был, в какой-то век...
О нём забыли... И казалось,
Что всё, настал конец.

Но оказалось, что России...
России нужен свой святой.
Мне жаль, что люди вспоминают
Своих сынов в года невзгод.

И вот он снова призывает
Встать на борьбу, за веру встать,
Служить Отчизне продолжать.
На нашу совесть уповает.

Вся жизнь, вся служба Ушакова
Был долг его, он долг отдал...
Во всех, всех сорока сраженьях
Ни разу он не проиграл!

«Он – наш герой! Он – наш заступник!
Его за всё благодарю!
Спасибо Воину Святому
За жизнь его», – я говорю.

Екатерина Вехина, 11 лет

* * *

Адмирал Ушаков
В бой ведёт моряков.
Русский флот не опозорит,
Турок он домой прогонит.
Анастасия Волкова, 11 лет

1817 год...

На берегу реки Мокши сидел старый человек в морском мундире. Прозрачнокрылые стрекозы трепетали над ним, некоторые садились на потёртые эполеты, вспархивали, когда человек изредка шевелился. Ему было душно, он расслаблял рукой уже давно расстёгнутый воротник и, глубоко вздохнув, замирал, вглядываясь слезящимися глазами в ладошки небольших волн, похлопывающих речку. Что виделось ему в этом мелководье? О чём он думал? Вспоминал ли свои великие победы, славных командиров и экипажи боевых кораблей? А может, видел родную деревню – островок детства... Отца, мать, дядю – игумена Феодора? Как давно это было! Сейчас же всё казалось ему миражом,

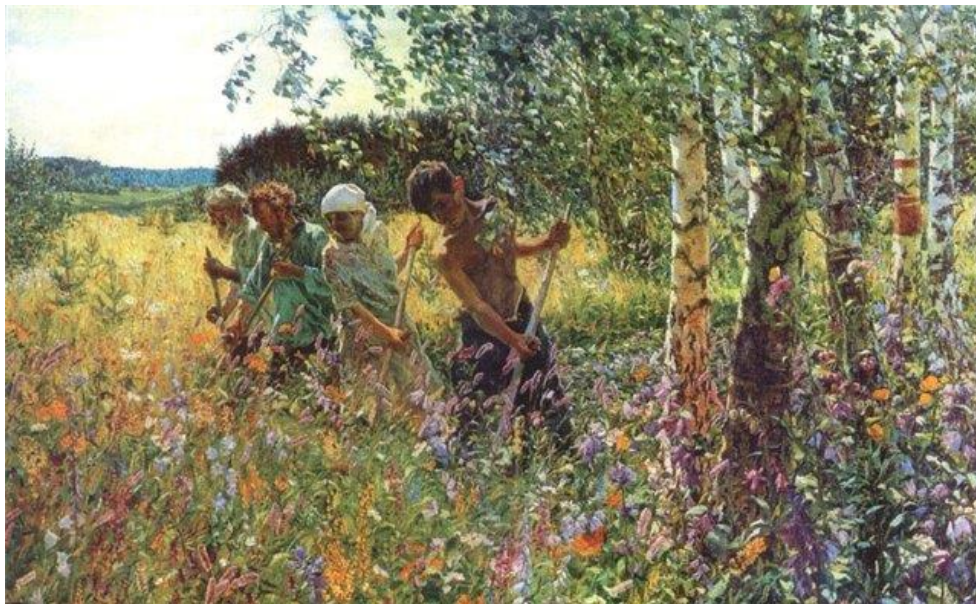
призрачной стрекозой, трепетавшей над его плечом. Небольшое движение – и нет ничего, всё исчезнет в мареве летнего зноя.

Звуки прошлого перемешиваются, наплывают, заставляя вздрагивать, озираться. Зашелестел камыш у берега, и словно видит он, как захлопали паруса у Ахтияра*. Каркнул где-то ворон, и слышится последняя скорбная молитва над зашитыми в белый саван** морскими служителями. Карп рядом метнулся, а показалось, будто раскалённое ядро шлёпнулось в воду... Мелькнула ласточка, и тёплая материнская улыбка согрела сердце. Напрягаясь, всматривается он в родные лица...

Набежал ветер, пытаясь пробудить одинокого адмирала, а тот отстраняет его рукой, пробуя задержать видения прошлого.

Детство

Федя шел за отцом, обливаясь потом, каждый новый шаг давался все труднее, коса ходила неровно, вот зацепилась за толстые стебли, и снова приходилось делать размах, на который уже не было силы. Отец не оглядывался, но Федя чувствовал, что он сердился, когда сын отставал. «Сердится батя! Нажми!» – все чаще приказывал себе Федя. Он заметил, что его маленькая коса ходит быстрее, когда носок ее чуть приподнимается вверх. Все гудело от напряжения, но было радостно: «Дожал, почти пожал».

Все! Отец сделал последний перед лесом взмах, немного подождал и обернулся. Федор стал рядом. Мать спешила с опушки с запотевшей крынкой молока и собранными ягодами.

– Испейте, родимые! Испейте, голубчики!

Смотрела любовно и жалостливо, как жадно глотал Федя. Не выдержала и всхлипнула.

– И что ты, батюшка,

заставляешь его косить. Не дворянское дело-то.

– Молчи, Параскева, а что дворянское? Великий Петр все мог делать своими руками и нас, преображенцев, к сему приучал. Столярничать Федька умеет, – стал он загибать пальцы, – лошадь запрягает, топором рубит, на лодке гребет, сеть ставить может, стрелять научу, грамоту знает, счет ведет. Что еще надо? Зимой поедem в герольдию на смотр, определять на службу будем. Хватит Стёпке гнезда зорить, да и Федька готов на государев счет идти. Хорошо бы к преображенцам*, – мечтательно протянул отец, – вот бы где свет повидал да погулял, повоевал бы, – покрутил он ус.

– Не надо ему войн, пусть служит по гражданской части, – поглаживала по головке сына мать.

– Эко ты, будто царица, приказы отменяешь. Да кто из истинных дворян променяет военную службу на бумагомарание да откажется от ратных дел.

– А Ваня-то, сказывают, отказался...

– Негодник он и клятвопреступник, со службы сбежал, – покраснел отец, – опозорил он Ушаковых.

Стало ясно, что речь шла об Иване Ушакове, что, сказывают, сбежал из гвардии в скит** дальний.

Мать не согласилась. Федя нечасто видел ее такой: твердой, непреклонной, с горящими

глазами.

- Нет, Федор, он же душу спасал.
- Душа в согласии с долгом должна быть, а он ее от обязанности увести хочет.
- Ты же знаешь, Федя, – мать положила руку на плечо отцу, – он в бога по-истинному верил, ни одно богохульство не прощал, несправедливости не терпел.

Федя прислушивался, о чем спорят отец и мать. Ему казалось, что изменять никому нельзя. Нехорошо это. Дядю своего, которого видел всего два раза, он любил, богу верил, но долг, о котором говорил отец, и ему казался главным. Когда молилась мать, она все просила у бога заступничества и сохранения ее сыновей и близких, а отец и перед иконой испрашивал побед Отечеству, армии и флоту.

Преподобный Феодор

Дядя Феда – Иван родился и вырос в том же сельце Бурнаково, отсюда ушел в юности служить в лейб-гвардии Преображенский полк, но затем, стремясь душою к иному служению, желая стяжать звание воина Царя Небесного, бежал из столицы в пустынные двинские леса, чтобы одному Богу работать, укрепляясь в подвиге поста и молитвы. Был сыскан, доставлен к Императрице.

Императрица Елизавета Петровна

Елизавета Петровна с интересом посмотрела на крепкого, красивого, с небольшой, но аккуратной бородой человека, одетого в монашеские одежды.

– Отчего же ты, Иван, слуга государев, службу военную бросил и сбежал из Преображенского полка? Такого среди гвардейских отродясь не было, – строго спросила Императрица.

– Дозволь молвить свою историю, – опустив глаза, попросил Иван.

Елизавета благосклонно кивнула.

– Служил я честно, – продолжил Иван, – жизнь готов был, как и сейчас, за государыню нашу отдать. Но голова

моя, а пуще душа, заняты были кутежами да бражничаньем. На одной пирушке один собрат-гвардеец, схватившись за сердце, испустил дух. Все оцепенели, потом положили его на плащ и понесли. Я... очнулся тогда: он ведь испустил дух-то без покаяния, и я понял, что живу во грехе. Душа моя встрепелась и позвала к очищению. Я, будто кто меня толкнул, в одночасье бросил службу, бежал в северные леса. Молился, постился, просвещался. Хотел постричься в монахи. Потом перебрался в Курские монашеские кельи, но там был отловлен как бездокументный бродяга и оказался перед судом. И вот перед твоим высшим взором, матушка, весь твоей воле послушный... А Божью волю обойти не решусь...

Елизавета выслушала внимательно, но всё-таки задала вопрос:

- Пошто бежал-то из полка?
- Для удобства спасения моей души, Ваше Императорское величество! Богу хотел молиться, – смиренно ответил Иван.
- Я бы и так отпустила.
- Тогда бы не поверили, а сейчас ясно.
- Ну что с тобой поделаешь? Не вменяю тебе побег в проступок. Жалую прежним чином, вступай в прежнее звание. Можешь снова служить.
- Уволь, матушка, – наотрез отказался Иван, – в монастырь прошусь. Я ведь в монашестве до конца жизни моей пребыть желаю.

- Куда просишься?
- В Саровскую пустынь.
- Ладно, Иван. Но помолись за нас вначале в Александро-Невской Лавре здесь, в граде Петровом. Там и постриг в монахи тебе будет.

Иван встал на колени и поблагодарил Императрицу, которая, вняв Промыслу Божию о молодом подвижнике, благоволила оставить его в Александро - Невском монастыре, где он принял монашеский постриг в 1748 году, – и это исключительное для дворянского семейства Ушаковых событие, вместе с последующими известиями о его монашеском служении Богу, было постоянным предметом бесед среди родственников.

Мечта

- А ты, Федор, в преображенцы или тоже в монахи хочешь? - хмуро спросил отец.
- Нет, батя, я бы во флот пошел...
- Отец удивлённо поднял брови, мать охнула:
- Сынок, да кто же тебя надоумил сему?
- Волга, – ответил Федя с гордостью. - Я быстрее всех плоты вязать научился, плавать и под водой сидеть дольше всех с камышиной, гребу без усталости. Вот все ребята наши и соседские меня морянином и именуют.

Отец покачал головой, но не возразил: морская служба тоже государева, и уже ласково шлепнул по спине:

– Иди, погуляй!

Федя быстро вскочил:

– Я на Волгу со Степаном. У нас там верша* закинута.

Отец кивнул головой, но Степану разрешил лишь после того, когда тот закончит свое дело. Строгий отец по утрам давал задания всей семье и дворне**. Сегодня день был трудовой, братья работали, завтра - учебный, монах из Островного монастыря будет читать с ними псалтырь*** и учить счету.

Феденька мчался по тропинке вдоль светлой и чистой Жидогости, сбивая прутом головки лебеды и ромашек, протыкая лопухи, вспугивая прозрачнокрылых стрекоз. Корабельные сосны выстреливали своими ровными светло-коричневыми стволами в небо, шумя где-то там, очень высоко, зеленой хвоей. В лощинах и на равнинах толпились белые стайки берез. Пахло цветами, высыхающей травой, земляникой - словом, всем, что создавало аромат русского леса. Останавливаться Феде было некогда, да и лукошко не прихватил, а то бы до краев наполнил свежей пахучей земляникой, вон и летние грибы пошли уже.

Птицы сопровождали его от куста до куста своим немислимо веселым щебетом, а беззвучные бабочки не боялись сесть на плечо и отдохнуть, когда он переходил кладку у ручья. Там он остановился, зачерпнул в горсть прозрачной холодной воды.

«Чудно здесь у нас, ладно. А каково оно, море-то?» – подумал мальчик, задирая голову к верхушкам сосен и погружаясь в голубизну неба.

Бурнаково

А вот и Бурнаково, его сельцо, где родился и жил он вот уже семь лет.

В Бурнакове всего пятнадцать изб, да и кругом-то Кузино, Алексеевское, Ярофеево, Дымовское, Петряново тоже не большие деревни, а сельца, им да их близким принадлежащие. Лишь Хопылёво на берегу Волги выделялось целым рядом добротных изб, дворянских и купеческих домов и

церковными строениями.

Сельцо Бурнаково Кологотского стану при реке Жидогости состояло в Романовском уезде, по платежу в нем числилось 24 душ. Строения в сельце были весьма скромные.

На возвышенности стоял барский дом. Он был одноэтажный и насчитывал несколько жилых комнат, летний зал, столовую, кухню и подсобные помещения, имел два входа и веранду. В усадьбе был разбит яблоневый сад, а вокруг дома росли вековые деревья.

Сельцо это с давних времен считалось родовым имением Ушаковых. В начале XVII века здесь обосновался Дмитрий Калиныч, жил здесь его сын Василий, а затем продолжатель рода - Игнатий

Васильевич. Отсюда ушли служить в Преображенскую гвардию сыновья его Сила, Федор и два Ивана.

В 1745 году Федор Игнатьевич, отец Феденьки, вернулся в родное село. Здесь у него жили жена Парасковья Никитична и два малолетних сына – Гаврила и Степан. Здесь же родился и сам Федя. При крещении в метрической книге Богоявленской церкви появилась запись: "1745 года родились

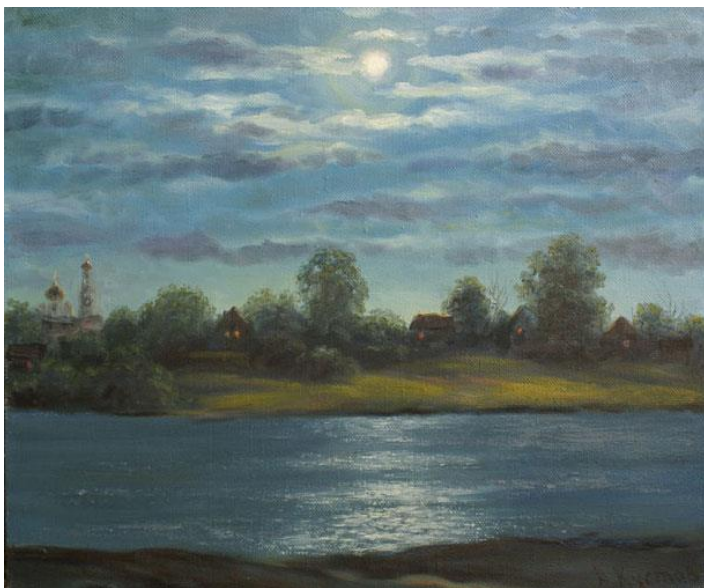
... в феврале
числа 13 лейб гвардии Семеновского полку у солдата
Федора Игнатьева сына Ушакова сельца Бурнакова
сын Федор"

На дворе отцовского дома Степан налаживал поленницу.

– Стёпка! Айда на Волгу. Верша там, поди, полна рыбой. Мамка сказала, чтобы Никиту взяли, – с ходу начал Федя и закричал в сторону небольшого домика:

– Никита! Никита! Пошли с нами на Волгу. Мамка сказала.

Показался невысокий, но крепкий парень, дворовый человек Ушаковых, лет шестнадцати, с топором в руках, постоял, кивнул и нырнул в сарай...

В Хопылёве у отца была своя лодка, которую вытаскивали и оставляли для надзора у избенки бывшего петровского морского служителя деда Василия. Василий же на костыле и деревяшке умудрялся подниматься на горку возле монастыря и зажигать костер в ночное время, чтобы идущие по Волге ладьи, лодки, дощаники*, каюки** и другие речные суда не наткнулись на длинную и узкую отмель, намытую за церковью Богоявления. Говорил он, что на сей пост его поставил сам Петр Великий, когда проезжал по Волге и увидел одноногого моряка, что просил милостыню у монастырских ворот в

Богоявленском. Вот тогда-то и указал Петр на этот холм и повелел жечь ему ночной

костер для «ориентации судов». Правдой был сей рассказ или выдумкой, никто ни в Бурнакове, ни в Хопылёве, ни даже в самом Романово-Борисоглебске не знал. Однако три рубля ежегодно петровскому мореходу выплачивали. За что? Кто постановил? Не знали, но и отменять приказ не собирались. И горел над приволжской кручей от апрельских весенних дней до первой шуги**** знакомый всем кормчим, жожакам-лоцманам, бурлакам костер.

Находившись вдоволь на веслах, собрав улов с поставленных вчера Никитой и Федей вершей, братья вытащили лодку перед избенкой деда Василия и, насобирав кучу хвороста и сучьев, поднялись к нему на кручу.

Бывший петровский моряк уже затеял костер, подложил сухого мха, сена под маленькие веточки, уложил рядом кресало***** и с нетерпением поглядывал на небо, ожидая, когда загорится вечерняя звезда. Федя, десятки раз бывавший на этом холме, с удовольствием разместился рядом с ночным дозорным.

– Деда, расскажи, как ты при Гангуте сражался, как шведа пленял.

Тот, однако, не спешил, поворошив костерок, обернулся к Феде.

– Слушай, я тебе старинную историю расскажу.

Историю эту, о российском матрозе, Федя тоже слушал уже не раз, но дед добавлял к ней неслыханные ранее подробности, чем превращал ее каждый раз в новую сказку. Рассказывал дед Василий ее на разные голоса с остановками и оглядыванием слушателей, ища отклика.

– Так вот, поведаю я вам историю о российском матрозе (так раньше называли матросов) Василии Кариотском и о прекрасной королеве Ираклии Флоренской земли. Василий-то Кариотский родом был из Российских Европий, на морскую службу поступил, стал матрозом, все мореходное дело изучил. То было замечено, – обвел дед всех взглядом, как бы ища подтверждения, что ревностная служба замечается, – и его направили за науки и услуги в Голландию, для овладения знаниями арихметическими и разными навыками. А там его и Цесарь заметил, пригласил к себе российского матроза.

– Ну а не ты ли это сам был? - хитро подмигнул всем Степан.

– Помолчи, то мог быть любой русский матроз, храбрый и умелый, а кто был тот, то будет ведомо. Так вот... приехал он во дворец к Цесарю. И был принят от Цесаря с великой славой, подобно яко некоторый царевич... Василий нанял себе в лакеи пятьдесят человек, которым надел ливреи с весьма богатым убором, карету приказал заложить золотокованую, и Цесарь, – поднял вверх палец дед Василий, – повелел министрам, а потом и камергерам неотступно быть при Василии. Цесарь стал сажать российского матроза кушать, Василий отговаривался. Тогда Цесарь и рече: почто напрасно отговариваешься? Я вижу у тебя разума достаточно, изволь садиться. Во как за матрозом ухаживал!

Солнце село уже в красные тучки, ветрено будет завтра — потянулись над Волгой уточки, накапливался в лощинах туман, а петровский служитель рассказывал невероятные истории, приключившиеся с русским матросом.

Волга, Святая Русь

Федя поёжился, ветерок-проказник пытался проникнуть за ворот рубахи:

– Ой, деда, ты бы лучше про Гангут рассказал, а то вон и отец Спиридон плывёт.

По Волге грёб к берегу священник. Он пристал, вытащил лодку к костру. Дед Василий и Никита захлопотали у казанка. А Федя присел рядом с отцом

Спиридоном из монастыря и завёл тихий разговор:

– А я всё хотел спросить у вас, батюшка, что за имя Спиридон и что оно означает? А то только и говорят: Спиридон – солнцеворот, а что сие имя, какого святого – не знаю.

– О, то известный греческий святой, – неторопливо отвечал отец Спиридон, поприветствовав всех сидящих у костра, – справедливый и простой, богослов и пастух. К нему обращались, и когда дом уберечь надо было, и когда от греха хотели освободиться, и от засухи спастись, и дождь вызвать. Он духом высок был. Жил на Кипре*, а сейчас мощи его святы на дальнем греческом острове Керкира находятся.

– А что, батюшка, так далеко все святы мощи? – спросил Федя. – Вот и святитель Николай, который и морякам помогает, говорят, что где-то там.

– Да, мощи его в городе Барии италийском**. Но и русская земля ой как богата на святых. Вот, гляди. У нас на Ярославщине родился Сергей Радонежский. Знаешь ли это?

– А как же, отец Спиридон, он ведь и воинов Дмитрия Донского благословил, и иноков*** Пересвета и Ослябю к нему на Куликово поле отправил.

– Вот это похвально. Но тут в Переяславле и сам святой Александр Невский жил. А недалеко в Борисоглебском монастыре долго прожил в затворе монах Иринарх, который царей наших предупреждал, что на Русь будут покушаться иноземцы. Те не послушали, вот латиняне Кремль и взяли. И если бы князь Пожарский и купец Минин не собрали ополчение, не благословил их Иринарх, то Москва давно бы не русским городом была. Вот какие люди на Руси были...

Федя откинулся на спину, смотрел в небо, думал, дивился и радовался...

Думал он о славных и святых Сергии Радонежском, Александре Невском, Иринархе, Дмитрии Донском, об их подвигах. Перед глазами мальчика проплывали храмы, монастыри, Кремль. Радовался он, что Земля русская, славная и хорошими людьми богатая, – его Родина. И мечтал Федя совершать подвиги во имя людей, защищать землю праведную от врагов. Видел себя на корабле матросом, таким, каким был в юности дед Василий.

А рядом плескалась о берег Волга. Величественная, спокойная и могучая река. Она была и есть олицетворение России. Волга-матушка. Так доверчиво-нежно выразил русский народ свое отношение к ней. Жизни не хватит, чтобы насмотреться на волжскую красоту, зеленые берега, тихие плёсы, так бы и любовался ею и на рассвете, и при высоком солнышке, и по ночам, когда в воду опрокидывается звёздное небо с его голубым и глубоким мерцанием, грозным и таинственным, как сама вечность. Она укрепляла патриотический дух достойных сыновей и поднимала могучие таланты. Море будет потом... Но любовь к нему рождалась здесь, на берегу Волги. И желание защитить свою великую землю, жизнь положить за неё, за людей, на ней живущих, тоже рождалось здесь.

И как созвучно этим мыслям стихотворение, написанное Иваном Никитиным.

* * *

На западе солнце пылает,
Багряное море горит;
Корабль одинокий, как птица,
По влаге холодной скользит.

Сверкает струя за кормою,
Как крылья, шумят паруса;
Кругом неоглядное море,
И с морем слились небеса.

Беспечно весёлую песню,
Задумавшись, кормчий поёт,
А чёрная туча на юге,
Как дым от пожара встаёт.

Вот буря... и море завывало,
Умолк беззаботный певец;
Огнём его вспыхнули очи:
Теперь он и царь и боец!

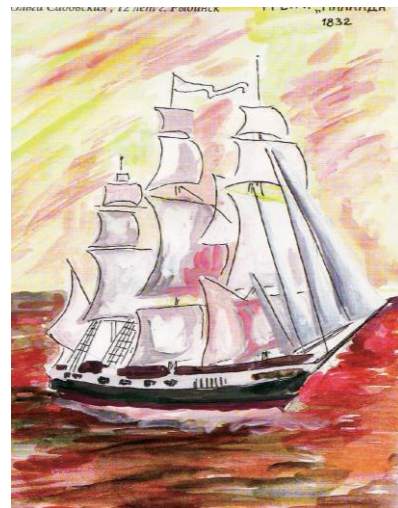
Вот здесь узнаю человека
В лице победителя волн,
И как-то отрадно мне думать,
Что я человеком рождён.

Настоящим праздником для детей были дни, когда отец возил их в Романов на ярмарку.

Романово-Борисоглебск

Старинный русский город поражал детей величием своих храмов. С высокого берега Волги ребятам хорошо было видно, как между Романовым и Борисоглебской слободой, расположенной на противоположном берегу, сновали «романовки». Некоторые из них были сильно гружены, но при этом имели хороший ход и достаточно легко управлялись. Как знать, может быть, эти парусные ладьи и волжские плесы пробудили у Федора любовь к великой русской реке, которую он бережно пронес через всю свою жизнь.

Церковь Богоявления-на-Острове

Ежегодно все большее семейство Ушаковых во главе с дедом Игнатием посещало церковь Богоявления-на-Острове, приходя сюда на исповедь вместе с крестьянами и дворовыми людьми.

Церковь состояла при Островском Богоявленском мужском монастыре, который стоял здесь с незапамятных времен. Белокаменный храм с шатровой колокольной, возведенный искусными ярославскими мастерами в 1701 году поражал своим величием. Из престольных праздников церкви почитаемым был Богоявленский. Как правило, именно в этот день (8 января) Ушаковы посещали храм для исповеди, жертвуя ему деньги из своих сбережений.

Поклонившись праху своих предков, по крутой лестнице Ушаковы заходили в церковь «дабы помолиться за упокой душ усопших и совершить таинство исповеди». В один из таких приходов в Исповедальных ведомостях за 1756 год осталась запись: «Показанного сельца Бурнакова отставной сержант Федор Игнатьев сын Ушаков

Жена ево Параскева Никитина дети их Степан, Федор, Дарья, Иван»

В этом храме Феодора крестили, здесь же, при мужском Островском Богоявленском монастыре, была школа для дворянских детей, где он обучался грамоте и счету.

Легенда о селе Хопылёво гласит, что в давние времена жители этой местности были удостоены видения Богоявления на близлежащем острове. Сам Господь снизошёл на него, благословив на этом месте духовную жизнь. И начинает строиться на самом острове мужской монастырь. Но основать монастырю на этом месте не суждено. Остров стал по весне ежегодно затапливаться, и было решено перенести монастырь на сушу. Все постройки перенесли на возвышенность. Но и там Богом не суждено основание монастыря. Чудным образом все строительные материалы оказались в низине, где сейчас стоит Богоявленская церковь. Но монашествующие не захотели строить в низине храм. И перенесли все материалы, удивившись этому событию, на прежнее место. И на следующий же день происшествие повторилось. Ночью неведомая сила перенесла все строительные материалы в низину. И так повторялось три раза. В этом событии монахи увидели волю Божию и решили строить храм в низине.

Места вокруг церкви удивительные. По Волге-матушке мимо этой местности проплывала сама Екатерина II, восхищаясь красотами девственной природы, а так же известные, великие люди (Шалапин, Репин, Собинов и др.)

Сегодня остро стоит вопрос о сохранении храма, так как он разрушается. Разрушаются столпы церкви, протекает кровля, отсюда многочисленные трещины на сводах. Похищены кованые церковные врата и решётки на окна.

Хочется надеяться, что это удивительное место не будет забыто. Теперь у престола есть свой небесный покровитель, уроженец этих мест – Святой и праведный воин Фёдор. В память об этом установлен на берегу якорь – крест.

Как много в селениях русских
Стоит позабытых церквей.
В них только щепоточка грусти,
Да дюжины две голубей.

Снят колокол, сломаны двери,
Слой пыли и странный покой,
Лишь ветер старинных поверий
Сюда залетает порой.

Пусть это не памятник древний,
И время церквей не шадит,
Хочу, чтобы в каждой деревне
У них был торжественный вид.

В. Суходольский

Церковь Богоявления-на-Острове

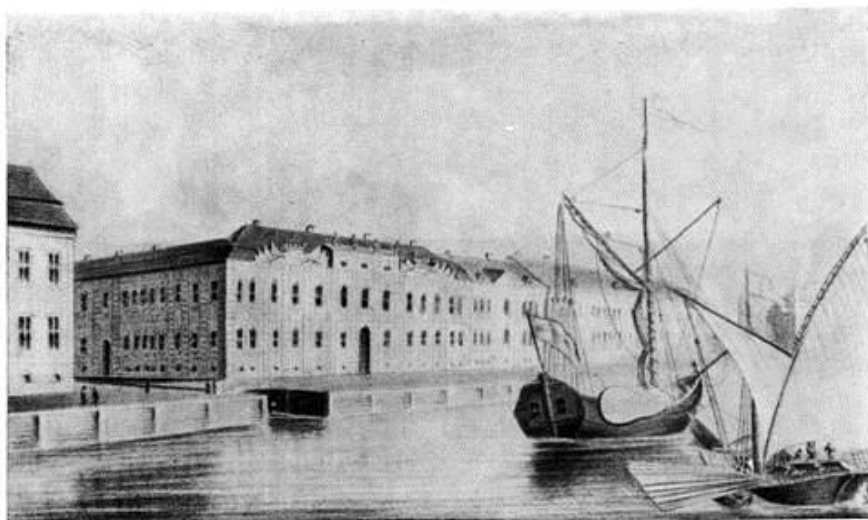
В Петербурге у Божьего служителя

Каждый дворянин в Российской империи должен был служить на военной службе. Герольдическая комиссия распределяла и приписывала отпрысков дворянских гвардейским полкам, в военные учебные заведения, на всякие службы, проверив знания.

Вот и пришло время определиться со службой сыновьям бывшего преображенского гвардейца Фёдора Игнатьевича Ушакова. Гаврила пошел служить в Ревельский драгунский полк, Степа оказался слаб здоровьем и для воинской службы признан непригодным, А Федор 7 февраля 1761 года явился на второй смотр, где и показал, что

«от роду ему девятый год, грамоте российской и писать обучен. Желает де он, Федор, в Морской Кадетский Корпус в кадеты».

Закончилось детство, впереди была дорога в большую жизнь и тернистый путь к славе.

Петербург 1759 год

отец, а младший Федя непременно желал узреть море и корабли. Петербург его, конечно, поразил размахом своим, пышными каретами, возками, кибитками, что сновали туда и сюда вдоль улиц. Но особенно восхитился Федя, когда увидел тихо прошедшую под парусами яхту на Неве, она вышла из туманной дымки от Петропавловской крепости и медленно скрылась за одним из островов. Море он так и не узрел, далеко надо было ехать, отец не захотел.

— Пойдем сегодня, ребята, в Александро-Невскую лавру. Встретимся с дядей вашим, Иваном Игнатьевичем, — сказал он в ответ на просьбу Федора.

Когда вступили в главный собор Лавры, все как-то уменьшились в росте, притихли, поставили свечи во здравие и за упокой.

— Где тут Ушаков Иван служит? — обратился отец к приглядывающему за порядком монаху.

— У нас такого нету.

— Как нет, он тут с позволения императрицы у вас пострижен.

— А каково имя-то принял? Не Федор?

— Федор, кажется.

— Ну, так ему досаждать не велено. И ныне он при деле богоугодном.

— А что за дело-то?

— Он при кружке подношений. А вы кто ему будете?

— Я брат родной, а это его племянники.

— Ну, то дело другое, — монах оглянулся по сторонам. — У кружки его сама императрица поставила. Он сие дело свято исполняет, и народ к нему валом валит.

— Пошто народ-то идет? — с удивлением осведомился отец. — Аль святость в нем невидимая ранее появилась?

— Святой он! Святой! — с убеждением отвечал монах. — Подлинное благоговение вызывает у прихожан постным своим видом и добродетелями. Он в постоянном посту, молитвах и делах время проводит. Сказывали, сам цесаревич Петр, — монах поднял вверх ладони и значительно посмотрел на начинающих робеть родственников, — Петр Федорович говаривал: «В Александро-Невской лавре один монах - Ушаков!» Пойдемте, я вас к нему отведу.

Он повел их к тому месту, где были прикреплены кружки для пожертвований.

— Вот он! — с почтением кивнул головой монах на высокого худого чернеца, читающего негромкую молитву. Верующие, среди которых было особенно много молодых женщин, кланялись в такт его размеренному голосу. По окончании молитвы одни

После первого смотра сыновей в герольдии Федор Игнатьевич решил им показать Петербург. Ему не терпелось взглянуть на места, где прошла его гвардейская молодость, мать хотела с пристрастием осмотреть петербургские лавки. Конечно, только осмотреть, ибо рассчитывать на большие покупки после дорогостоящей поездки, затрат на корм лошадей, на еду не приходилось. Степан хотел увидеть оружие и развод караулов, о которых рассказывал

стали развязывать узелки, расстегивать карманы и кошельки, доставая оттуда монеты, другие сразу потянулись к кружкам, бросая туда зажатые в кулаке пятаки. Чернец поклонился людям и, выпрямляясь, встретился взглядом с Ушаковыми.

– Вот и хорошо, что пришли в храм божий помолиться, – по-доброму, будто и не расставались, сказал он. – Пойдемте ко мне и келью, орешков детям дам, для белок припас.

Александрo-Невская лавра

– То верно, везде можно людям служить. Но собрал я, брат мой, духовное братство из многих людей и со своими духовными учениками и ученицами, холостыми мужами, вдовами и девицами отправляюсь туда на покаяние и поклонение.

– Где та пустынь-то? – спросил не особенно знающий святыне места отец.

– За Арзамасом в дремучих лесах, – объяснил Иван и обратился к младшему Феде:

– Кем же ты будешь после герольдического смотра?

Тот зарделся и прошептал:

– Офицером морским!

– Всякая служба богу угодна, – погладил его по голове Иван. – В миру будешь жить, мой отрок, а он бывает жесток и несправедлив. Садитесь, – пригласил он всех, указав на топчан. Все сели, а Федя и мать, наверное, из почтения к святому человеку, остались стоять.

– Я был пострижен и наречен в честь святого нашего ярославского Федора. Хотел бы я, чтобы деяния того святого осветили и тебя, отрок, – осенил он крестным знаменем Федю.

– Чтобы на путях дальних твоих были свершения великие. Думай же всегда о ближних. А еще, кто о ближнем не радит*, тот, наверное, и веру нашу отвергает. Люби человеков, с коими будешь, и ждет тебя победа.

Страшно как-то было Феде, в душе у него что-то затрепетало и позвало вдаль, в неизведанный доселе мир.

И зашагал неторопливо через двор к крайнему каменному строению. Когда зашли в келью, Федя поежился, – было прохладно и пусто, лишь в углу стоял сбитый из досок топчан, да в другом висела икона с лампадой.

– Хорошо, что пришли, – повторил Иван, – попрощаемся, ухожу я в Саровскую пустынь.

Мать всплеснула руками, из глаз ее катились слезы. Отец сурово взглянул на нее, хмурясь, спросил:

– Что ты там, в той пустыни, не видал? – и обвел руками келью. – Чем у тебя тут не пустынь?

Годы учёбы

Создание русского флота было одним из творений Петра I. 300 лет назад на флоте, кроме Государя, не было русских сведущих моряков, а все офицерские должности занимали наёмные иностранцы.

В 1701 году последовал Указ Петра I об утверждении школы "Математических наук", которая располагалась в Сухаревской башне в Москве.

Увеличивающийся с каждым годом флот требовал множества офицеров. Государь решает создать новое училище и поместить его в Петербурге. Нева, близость моря представляли все удобства для практического морского дела.

В 1715 году вышел новый Указ Петра I об учреждении Морской Академии, которую поместили в доме Кикина. При Елизавете Петровне в 1852 году на базе предыдущих учебных заведений создается Морской Шляхетский Кадетский корпус, размещенный в

доме фельдмаршала Миниха на Васильевском острове.

Именно сюда 15 февраля 1761 года прибыл Федор Ушаков. Еще при Петре I было указано в Морскую академию назначать преимущественно дворян новгородских, псковских, ярославских и костромских, «яко живущих при водных сообщениях». Однако дворяне считали более престижной службу сухопутную. А поэтому в

Морской корпус в Санкт-Петербурге

Морском корпусе в то время обучались в основном дети мелкопоместных дворян и потомственных моряков.

Началась учеба. Все в ней было новым: парадная форма, боевая амуниция. После деревенской жизни Федору было сложно осваивать точные науки: арифметику, геометрию, тригонометрию, географию, астрономию, навигацию, корабельную архитектуру.

Федор Ушаков со свойственным ему усердием и трудолюбием постигал преподаваемые науки. Наибольший интерес у него вызывали математика, география и история.

Кикин дом

– А ты, любезный, будь добр, подай мои ботины, – покровительственно и доброжелательно протянул краснолицый гардемарин* с пробивающимися светлыми усами только что определенному в морской шляхетский корпус Федору Ушакову. Федор смутился, покрылся краской, но ботины подал, вопросительно взглянув на гардемарина.

Гардемарин

– Вот так, голубчик, будешь исполнять все мои приказания, – старался тот говорить солидно, с хрипотцой.

– А ты кто будешь? – нерешительно спросил Федор.

– Я твой «старикашка», а ты мой «рябчик», – важно ответил светлоусый, и на глазах изумленного Федора запихал в ноздри кусок душистого табака.

– Не пойму что-то. Нам сегодня на плацу внушали, что командир мой – корпусной офицер Егор Ирецкий, и его приказы я должен выполнять. А о «рябчиках» и «старикашках» слыхом не слыхивал.

– Вот будешь ныне знать, кто твой истинный начальник. У нас, у кадет, тут свой устав имеется. Да ты не сомневайся, то правило испокон веков заведено. Лучше скажи, у тебя деньги есть?

Федор замялся, помнил, матушка наказывала никому об этом не говорить, но тут-то скрывать нечего, своя братия, морская. Ответил:

– Есть немного.

– Ну, так вот, давай сигани на угол от Кикиного дома. Купи

бутылку, сбитня и яблок и тащи сюда. Да так, чтобы офицер не заметил.

Федор наморщил лоб, подумал о деньгах, но спросил не об этом:

– А пошто дом-то Кикиным зовется?

– Э-э-э, то дело давнее. Первый дом у Морского корпуса, что тогда академией звался, был отобран аль куплен у купца Кикина на Неве. С той поры и дом-то снесен, и корпус в другие места переехал, дом Миниха обжил, а все про наш корпус морской говорят – Кикин дом... Так ты давай на угол, валий.

Федор вздохнул, поморщился и обреченно протянул:

– Не-е... Не пойду. Мне батюшка не велел расходовать. До Нового года не пришлют больше.

– Ты что, негодник! – завращал глазами светлоусый гардемарин, чихнув от табака. – А ну беги быстрее в лавку, пока тебе тут не всыпали горячих.

– Не-е. Сказал не пойду, значит, не побегу. Я батеньку привык слушать.

И, повернувшись, пошел к выходу. Сильный и неожиданный удар под коленки и в спину подкосил его. Он упал на дверь и, вытянув руки вперед, вылетел в коридор под ноги ротному офицеру. Тот едва отскочил и тут же, стремительно приблизившись к лежащему Федору, сгреб его за воротник, приподнял перед собой.

– Ты что, недоумок, – так дразнили в корпусе кадет первого года обучения, – наук не постиг, а уже бунт подымаешь, на офицера нападаешь! – загремел он. Из разбитого носа Ушакова капала кровь, на лбу расплывалось пятно синяка. Офицер тем временем выговаривал Ушакову:

– Ты что - ядро? Или пуля ружейная? Может, тебя кто толкнул сзади?

Федор пришел в себя, тяжело вздохнув, не глядя на офицера, сказал:

– Не-е... Разбежался и прыгнул... Сам упал.

– Сам? Ну, тогда караул вне очереди.

Вечером, когда он проходил по длинному корпусному двору, его обогнал светлоусый и дружески хлопнул по плечу:

– А ты малый крепкий, «не задорный». Будем дружить. Меня Яковом Карташёвым кличут.

Потом уже узнал Федор, что «зазорными» называли в училище тех, кто жаловался на своих товарищей, доносил о своих обидах офицерам. Ни разу не испытал он на себе сурового наказания, которое применялось к «зазорным», когда с ними никто не говорил и не останавливался. То была невыносимая мука, когда к несчастному жалобщику поворачивались спиной, удалялись как от зачумленного. Лишь победоносная драка да удалое молодецество во время плавания смывали позор с «зазорного». В тот первый день Федор нутром почувствовал необходимость исполнения морского закона – закона спайки и братства, но подчинения кулаку не принял.

На следующий день выдавали одежду и амуницию**. Зеленый кафтан Федору нашли сразу, а штаны не подходили – все были коротки.

– Эко тебя угораздило! – беззлобно ворчал каптенармус***.– Малый дать – порвутся скоро, а мундир на два года выдается. Будешь целый год распоротым. Что за кадет из тебя тогда. На вот, возьми еще сюртук, тоже зеленый, для вседневной носки. Каждый день носи и следи, дабы не порвался. Он, правда, крепок, из солдатского сукна делан.

Наконец оделся и Федор. Вскоре получили тесаки**** и ружья. И еще рыхлым, невыровненным строем встали новички перед зданием Морского корпуса. Из каменного флигеля вышел на высокое крыльцо поддерживаемый под руку двумя офицерами толстый дядька. «Милославский, Милославский. Сам контр-адмирал!» - прошелестело по рядам. Мрачно поглядел на кривую шеренгу неопрятно одетых первогодков-кадет и, сморщившись, брезгливо сказал:

– Строю! Строю учиться надо. Сейчас морякам не до моря. В сухопутчиков обращают. Запомните сие время, когда вас могут лишить морского состояния.

Кадеты испуганно молчали, не понимая, о чем говорит контр-адмирал. Сурово молчали и офицеры. Они-то знали, что грозит морскому сословию. Милославский поводил глазами

по строю и, остановив взгляд на выделяющемся Ушакове, громко спросил:

- Вот ты, недоросль***** в плечах знатный, зачем сюда, в наш Морской корпус подался?
- Я, ваше превосходительство, еще в деревне по-морскому думал и в сухопутчики не пойду, лучше уж в брадобреи.

Строй недружно засмеялся. Милославский склонил голову и одобрительно покивал головой:

- Похвально! Похвально, братец. Верю, что выйдет из тебя толк.

Яков Карташёв вечером пояснил:

- Проект у гольштинцев императора Петра III созрел: слить всех кадетов в единый корпус под управлением графа Шувалова. Нас, моряков, своего первородства лишить задумали. (стр 35)
- Пошто надобно-то сие им?
- А как же! Российский флот всем немцам поперек горла стоит, еще со времен Великого Петра. А особо когда Мемель и Колберг у них отбили. Радетелей у него мало осталось. Вот ты – малый с характером, – продолжал Яков, — а готов всю душу отдать российскому мореплаванию? Готов служить морю без отдачи?

Увидел, что Федор непреклонно повел головой, кивнул ему.

- Поклянись тогда! Побожись, что не отступишься от моря – в наше братство войдешь.

Фёдор о братстве ее ведал никак, но морю был уже предан, жаждал сродниться с ним навсегда. Вырвал волос из головы, окрутил вокруг пальца и тихо сказал:

- Не отступлюсь от дела морского, от веры нашей, от Отечества русского! Служить им буду вечно и неустанно! Аминь!

Храм морских наук

В 1762 году Морской шляхетный кадетский корпус принял под директорство капитан 2-го ранга Иван Логинович Голенищев-Кутузов, ставший позднее адмиралом и даже президентом Адмиралтейств-коллегии. Под его началом Кадетский корпус начал расцветать.

Голенищев-Кутузов оказался недюжинным организатором. Он взялся организовать как теоретическое обучение, так и наладить практические навыки. Пригласил лучших преподавателей. Кадет обучали французскому, английскому и немецкому языкам, так как «и знание иностранных языков очень нужно для морского офицера в его службе»

Наконец-то зажглись свечи в учебных классах по вечерам. Весело затрещали дрова в печках, выделенные «для сугрева». В Морском кадетском корпусе потеплело, стало уютнее, интереснее и лучше. Появились талантливые преподаватели. Чего стоил один Григорий Андреевич Полетика, окончивший Киевскую духовную академию. Он отличался высокой эрудицией, настойчивостью, системностью в преподавании, изложении наук. Ведь именно он предложил расписание занятий, которое утвердил Кутузов. Воспитанники ходили в классы на занятия с «7 до 11 часов утра и с 2 до 6 после обеда». Математические и «морские» трудные науки преподавались утром, а словесные науки и более легкие «морские» - вечером, ибо, как говорил Полетика, «труднейшие науки, требующие большого умственного напряжения, лучше усваиваются утром».

Предметом восхищения для многих учеников Санкт-Петербурга были лекции по астрономии и математике профессора Котельникова, проводимые им нередко ночью в обсерватории, расположенной на здании корпуса. Об образованности Котельникова и бывшего начальника батальона профессора Н. Г. Курганова, преподававшего в корпусе, ходили легенды. Математические и морские науки он нередко читал на французском и немецком языках, которые знал в совершенстве, отсылая к английским и латинским книгам, прочитанным им самим. Да и сам директор Кутузов был человек начитанный, образованный, с хорошими знаниями и четким представлением о целях воспитания морских офицеров и «служителей моря». Он хорошо знал немецкий и

французский язык, иностранную и русскую литературу по кораблевождению и кораблестроению, плавал в молодости и по собственному опыту знал все недостатки теоретического и практического образования морских офицеров. Поэтому столь точны и плодотворны оказались его усилия по подготовке выпускников, знающих теорию и практику морского искусства.

Усилия Кутузова, Адмиралтейств-коллегии привели к тому, что в 60-е годы Морской шляхетный кадетский корпус стал одним из лучших учебных заведений России, и из его стен и эти годы вышли офицеры, которые стали красой и гордостью державы, обеспечили ей самые яркие и выдающиеся морские победы в XVIII и начале XIX века, кто способствовал расцвету мореплавания. Прежде всего это замечательный русский флотоводец Федор Федорович Ушаков, поступивший в Морской корпус в 1761 году и выпущенный из него в 1766 году по получении звания мичмана. Учились в нем и прославленный герой Чесмы Дмитрий Ильин, и землепроходцы Севера Алексей Скуратов, Макар Ротманов, удалой капитан 1-го ранга Кожухов, бравший Бейрут в 1773 году, взорвавшийся, но не сдавшийся врагу капитан Сакен, легендарный Дмитрий Сенявин и вдохновенный Иван Крузенштерн, язвительный мудрец, вельможа и просветитель граф Николай Семенович Мордвинов, вице-президент Адмиралтейств-коллегии при Павле I Г. Г. Кушелев, известный гидрограф и ученый Гавриил Сарычев, небезызвестный министр просвещения, президент Российской академии адмирал Александр Шишков, герои русско-турецких войн Гавриил Голенкин, Павел и Семен Пустошкины, прославившийся дальними плаваниями на шлюпах «Диана» и «Камчатка» Василий Михайлович Головнин и другие.

Не раз пути прославленного флотоводца Ушакова пересекались с теми, кто закончил курс вместе с ним, раньше или позднее его, но кто на всю жизнь сохранил память об этом подлинном храме морских наук, где вызревала любовь к Отечеству, флоту и морю, об очаге, где возгоралась будущая слава героев России.

На Кронштадтском эллинге

Через месяц повезли их в Кронштадт в эллинги*, где строились корабли. Шум и суета были тут превеликие. Кадеты небольшой стайкой сгруппировались у ребристой туши почти построенного корабля. Из-за него вышел офицер в форме Преображенского полка и, доброжелательно поглядывая на них, громко объявил:

– Идите сюда! Я мастер корабельный Петров вам объясню все предметы, принадлежащие к кораблю.

Он подошел к кораблю, любовно похлопал его по днищу и, перекрывая шум, уже строго, как на занятиях в корпусе, продолжил:

– Сегодня я вам дам наглядные уроки, что и как в морском деле называется. У нас, у мореходов, – он самодовольно улыбнулся, – есть свой язык, и вы его понять и запомнить на всю жизнь должны. Ну вот, – он показал на верхушку стоящей мачты, – у каждого дерева, стоящего вертикально, верхний конец называется топом! Края же у

дерев, лежащих перпендикулярно мачтам, то есть у ре-ев, называются но-ка-ми!.. — Каждое слово морское, необычное, мастер разделял на слоги, выделял паузой, вроде бы хотел, чтобы оно одно пожило на слуху, в память самостоятельно вошло.

— Всякая веревка, на время привязанная, называется при-креплен-ная. Когда же надобно ее ослабить или совсем отпустить, то, говорится по-морскому: от-дать! Если что нужно наскоро или же что-либо на время привязать, то говорится: при-хва-тить!

По дощатому настилу, через отверстие в трюме они поднялись на палубу, с которой был виден чуть ли не весь Кронштадт и даже белеющий вдаль Петербург. Но Петров не дал полюбоваться видами, а подвел к хитросплетению канатов и веревок, опоясывающих мачты.

— Вот эта основная веревка через два блока называется та-ли, который ее конец к блоку прикреплен, то — ходовая часть! — Петров всё объяснял, показывал, потом быстро перебежал вниз, увлекая кадет, — вот смотрите, сложенная в один или много кругов веревка называется бунта, а когда вытаскивают какую-либо снасть и иная, завязнув, где-либо препятствует, то говорят — за-ело! А у тебя, что, тоже заело? — позвал Петров поднявшего голову вверх и взвешивающего через проем на мачту Федора.

— Да нет, вон та рея, сдается, плохо прикреплена, и в походе оно может сказаться.

— Не рея, а рей! Нижний рей! — с удивлением посмотрел на кадета Петров. — Правильно увидел, я им вчера еще об этом сказал. Пошли сейчас на корму, там изучим другое важное в нашем деле.

После обеда в Петербург возвращались на баркасе**, гребли попеременно, устали, но было удивительно хорошо и радостно от того, что увидели, как заботятся мастера о рождающемся корабле, их будущем доме, тщательно готовя для дальнего и опасного пути. И еще радостно было, что мастер Петров на прощание при всех руку подал и сказал:

— Глаз зоркий. Сие важно в деле морском. Никакую мелочь нельзя упустить. Упустишь — корабль и себя погубишь.

Обычный учебный день

Шел 1764 год. Сумрачно и зябко было в осеннем Петербурге. Ударил колокол. Шесть часов утра. Кадеты выскакивали из деревянных флигелей, застегивали зеленые сюртуки па ходу, бежали в главное здание, где выстраивались в длинном корпусном коридоре. Дежурный унтер-офицер осматривал строй придирчиво и внимательно.

— Что, рук мыть не умеешь? — распекал первогодка. — А под ногтями огород развел? В камбуз для прочищения мозгов.

Остановившись рядом с Фёдором, придирчиво осмотрел его с головы до ног. Удовлетворенно фыркнул и, скосив глаза на Гавриила Голенкина, резко выкрикнул:

— За не пришитую пуговицу лишаю калача. Сегодня пуговицу — завтра пушку потеряешь. Рохля!

Глаза у кадета наполнились слезами, он бормотал ощупывая мундир: «Ведь была только что тут! Куда подевалась, злодейка!». «Ладно, не реви! — тихо шепнул Федор. — Дам половину!»

Примчались в столовую, где надо было ухватить калач попышнее и кружку для сбитня побольше. Оттуда — в классы. Нужно заскочить в дверь раньше, чем ударит рында*. Потом хозяином коридоров станет Полетика, их вездесущий инспектор. Прежде всего он остановит опоздавшего и негромко, язвительно спросит: «Что, господин кадет, так и будете всю жизнь спать на ходу? Богу не успеете помолиться. Славу Отечества проспите». Если попался первый раз, Полетика расскажет о героях прошлого, о Цезаре, о Ганнибале, о прилежании Аристотеля, о том, что Великий Петр почти не спал, все думал о благе России. А он, кадет, не может даже на занятие появиться вовремя. Какой же из него сын Отечества получится? Пристыженный кадет клялся не нарушать порядок, приучать себя вставать до общего подъема, быстро мыться, есть, за пять минут до того, как ударит колокол, сидеть в классе. Если же кадет попадался второй и третий раз,

тут его ждала расправа: он мыл и чистил коридор, лишался ужина и даже достаивался порки по субботам.

Федор заставил себя с первого года вставать в точно заданное время и почти ни разу не опаздывал на осмотр, завтрак. И не наказания боялся он, а приучил себя к порядку, он ценил своё время.

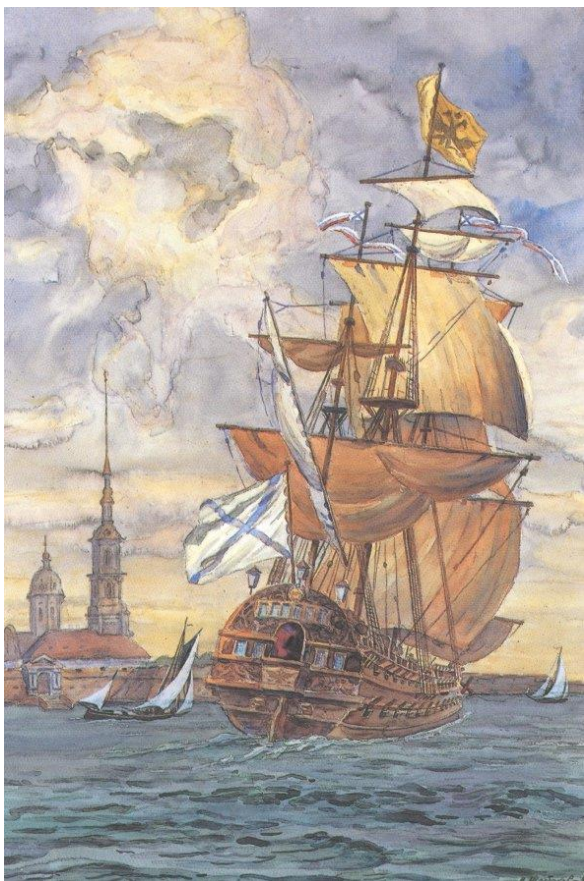
Первый урок шел при свечах. Сначала молитва. Голова прочищалась. Математика укладывалась строгим и красивым ладом. Федор любил ее четкие законы, ему нравилось проходить через трудности обдумывания к решению, результату... Особенно удавались ему геометрия и тригонометрия.

После обеда читалась история флота. И читал ее сам Голенищев-Кутузов. Иван Логинович следил за всем, что издавалось по морскому делу во Франции, Англии, Голландии. К лекции он всегда готовился, собирался с мыслями, настраивался. Вот осмотрел развешанные карты, потрогал указкой глобус и, громко выделяя голосом страны и имена адмиралов, читал лекцию, не заглядывая ни в какие бумажки и книги.

Фёдор внимательно слушает, записывает в тетрадь, и голова его пополняется знаниями.

Долгожданная встреча

Вот оно – море! С его крепким, вырывающим из рук парус, ветром, с серовато-бирюзовым покрывалом, с белыми гребешками волн, с приводящим в восторг простором. Нет, не зря он рвался в морское дело, не зря бредил во сне, подставляя лицо порывистым шквалам*, не зря избрал смыслом – служение морскому флоту. И до этого первого выхода в Финский залив Федор бывал в Кронштадте, проходил тут корабельную практику, учился заряжать пушку и стрелять ядром и картечью. Но этот выход на новом линейном корабле, по местам победных боев петровского флота преобразил и захватил юношу. Все ладилось у него, все получалось быстро и точно. С ним происходило что-то необычное. Какая-то неведомая сила наполняла его, в голове прояснялось и светлело, виделось отчетливо и далеко, терпкость солоноватого воздуха наполняла грудь, дышалось глубоко и вольно. Может быть, тогда море и сделало его своим избранником, ибо многие

годы после этого не ведал он усталости.

Свое первое плавание он отправился на корабле «Евстафий» из Кронштадта к Гогланду. В первой половине дня пройти далеко вперед не удалось – дул крепкий противный ветер. Капитан Степан Мартынов искал выгодный галс, заставляя матросов по несколько раз карабкаться вверх по реям.

– Мутит, господин гардемарин? – покровительственно спросил боцман Ушакова. Федор помотал головой.

– Да вы не бойтесь, скажите, – продолжал боцман.

– Ну что ты пристал? – начал сердиться Ушаков. – Не мутит меня.

– Вы не думайте, что это стыдно для моряка, – не обращал внимания на раздражение Федора боцман. – Вон всем плохо.

Действительно, то один, то другой гардемарин бежал в галюн** и освобождался от изнуряющей тошноты. Ушаков же не чувствовал никакого неудобства внутри, кача-

ющаяся палуба удобно подставлялась под ноги, он цепко держался за канаты. И даже вахта, на которой он стоял, не казалась ему неудачной. А вахта досталась ему самая плохая, с двух до шести утра, когда слипаются глаза, пронизывает сыростью ветер, пугает неизвестностью темнота и как-то подозрительно скрипит корпус корабля, о который тревожно и гулко бьется волна, а клочья тумана скрывают не только далекое побережье, но и выдающийся вперед бушприт***. Команды Ушаков старался отдавать четко и отрывисто, как делал это капитан. Голос, однако, ломался, возникали паузы, он лихорадочно думал, что еще надо предпринять. Капитан же, стоявший, казалось, целые сутки за спиной гардемарина, одобрительно отзывался о его действиях: «Молодец!» Ушаков думал, что вот и он, наверное, если бы вел корабль, не спал бы вовсе.

Стало светлеть. Ветер переменялся, и надо было ложиться в дрейф. Покряхтывая и перекликаясь, соскакивали матросы на палубу.

– А ну, Серафим, проверь, вторая справа развязалась, кажись! – Боцман подтолкнул обратно вверх спустившегося последним русого новобранца. Тот побледнел, с мольбой взглянул на боцмана и гардемарина, затем обреченно шагнул к матче. Лез он тяжело, судорожно обхватывая переборки****, долго не отпуская их, вроде бы пробовал на крепость.

– Чего тыкаешься носом? Не тащись! Лётом! Лётом иди!

– Зачем вы так! – о борвал его Ушаков. – Он же первый раз в море.

– Так и надо первый раз кричать, чтобы он крику боялся, а не высоты, – упрямо возразил боцман и снова закричал. – Леший тебя дери! Куда ноги суешь! Выше! Выше!

– Этим не поможешь, – резко сказал Ушаков. – С ноги собьешь.

Новобранец замер – надо было переступить на горизонтальную перекладину. Одной рукой он держался за переборку и должен был ступить на качавшуюся в такт волнам рею. Но тут силы его оставили, он оступился и повис над палубой. Боцман с опаской взглянул на Ушакова и крикнул: «Разобьется!»

– Полотно! Полотно под него, быстро! – скомандовал вышедший из-за спины Ушакова капитан. Моряки проворно растягивали полотнище парусины под реем, взявшись за углы и подняв головы к болтающемуся новобранцу.

– Пускай! Бросай палку! – закричал боцман. – Падай вниз!

Новобранец висел на одной руке, и чувствовалось, что никакая сила не сможет расцепить его пальцы.

– Эх! – мотнул головой Ушаков и проворно полез вверх.

– Куда вы, господин гардемарин, расшибетесь! – неуверенно крикнул боцман.

Ушаков же стремительно, не глядя под ноги, быстро добрался до новобранца. Схватил за парусиновую рубаху, намотал подол ее на руку и подтянул его к себе...

– Ставь ногу... Вот... вот... так, – приговаривал он. – Еще сюда... А теперь переступи сюда... Еще! Еще, не бойся. Видишь, я же с тобой.

Матросы с удивлением и радостью смотрели, как Ушаков вместе с незадачливым моряком передвинулся вперед по рее. Они что-то подергали там, подвязали и тихо возвратились к матче.

Первым спустился на палубу гардемарин, через мгновение новобранец. И тут же получил крепкую оплеуху от боцмана.

– Что вы буяните! – закричал Ушаков. – Учить надо, дабы высоты не боялся, а вы волю рукам даёте.

– А ты, братец, неплохо держался на рее-то, и сила в руках есть. Но ты не силу, а ловкость применяй. Добрый из тебя моряк получится, вот увидишь. Откуда сам? – спросил Мартынов у новобранца.

Он вымученно улыбался:

– Тамбовские мы!

– Ну, вот и отлично. Чарку вина ему горячего.

– Похвально, отлично действовали, господин гардемарин, – обернувшись, сказал капитан. – Но матросов не портите. Боцманов кулак тут у них главный учитель.

Ушаков ничего не ответил, глядел вперед и про себя подумал: «Кулаком напугаешь, а не научишь, пожалуй, все должны командирскую команду разуметь».

Вахта закончилась. Мундир отяжелел от залетавших мелких брызг, от утренней туманной ночи. Но сушить его на корабле было негде – огня не разводили, в каюте, где разместились в подвесных койках гардемарины, было холодно и сыро. Лишь к полудню, отдохнув от ночной вахты, Ушаков на ветру просушил мундир и согрелся. Обедали офицеры и гардемарины вместе. Это было заведено еще не на всех кораблях. Ели солонину и сухую рыбу, запивали вином и несвежей водой.

– Горячая пища и свежая вода, господа, будет не всегда, – поучал капитан молодых гардемарин. – Вяленая рыба, да бочковая солонина, да сухари ваши обеды составлять будут. Ну, конечно, офицеры могут себе что-либо купить в запас, но сего не всегда хватает в плаванье. Запомните, господа, – раскурил трубку Мартынов, – когда будете капитанами, то пища, продовольствие – предмет наипервейших ваших забот.

Ударили склянки*****. Наступала вторая вахта в жизни Ушакова.

Прощай гардемарин! Здравствуй мичман!

На покрытом чистым песком плацу перед зданием Морского кадетского корпуса оркестр и все три роты будущих мичманов выглядели зеленой волной. Барабаны выдали дробь, присоединившиеся флейты и трубы наполнили всю площадь боевой, задорной музыкой. Стоявший на возвышении капитан махнул рукой, и все мгновенно стихло.

– Достойные высокой чести быть морскими офицерами – шаг вперед! – громко и торжественно скомандовал он.

Из первой роты вперед шагнула почти треть, несколько человек шагнули из второй.

Перестройка на плацу завершилась. Иван Логинович, взявшись одной рукой за борт мундира, переждал порыв ветра и наполнил голосом площадь:

– Любезные мои соратники по делу морскому, а также и те, кто на сию нелегкую стезю вступает! Наша служба морская есть многотрудная, и посему охотников к ней весьма малое количество. Вы же на свои плечи сию ношу взяли, ибо ведаете, что Россия наша – держава морская и ей верные служители на просторах морских нужны.

Многие из выпускников ходили уже в далекие плаванья, другим сие еще предстоит сделать. Держава наша не свободна от угроз, с запада, юга и севера творимых. Пред вами всеми новые дальние походы предстоят. Русские корабли плавают с коммерческими целями в море Средиземное. А по какому праву наше, в дальние времена прозванное Русским, Черное море без флота отечественного пребывает? Не вам ли, выпускникам сих лет, его снова в наше, славянское, море превратить!

Гардемарины, уже опытные моряки, выпускники наши, производятся в чин мичмана, сие офицерского ранга звание. Вам же, новичкам, их заместить надобно, в звании гардемарина утвердиться.

Господа гардемарины знают, что их обязанности определены Морским уставом следующими словами: «В бой, как солдаты, в ходу, как матросы». Будьте же терпеливы и зорки, блюдите устав, применяйте науки, служите государыне и Отечеству самоотверженно под сенью славного Андреевского стяга!

Шеренга перестроилась. Новичок с робостью и нескрываемым восхищением глядел на ружье в руках обветренного уже не в одном морском походе Ушакова. А Федор окончательно понял – он выходит в большое плавание, в самостоятельную жизнь, где отвечает сам за себя, где от его умения зависит жизнь многих. Прощай, гардемарин, здравствуй, мичман Ушаков!

– Господи, буду служить честно Богу и Отечеству, не дам себе покою ни в чем, всю жизнь свою без остатка отдам морю. Я буду его слугою, и оно отзовется. Мне не надо ни богатства, ни орденов, ни чинов.

Новобранец с удивлением и недоверием глядел на своего уходящего в дальние плаванья собрата. Федор отмахнулся от каких-то видений и, уже обратившись к новичку, подтвердил:

– Да, отдам всего себя морю! Сможешь сделать то же?

– Ну, неужто так можно? А жизнь-то как? Ведь семья будет, веселье всякое надо. А друзья? А наука? А хворь вдруг нападет?

Федор неуступчиво покачал головой, черты лица его заострились, сделались четкими, как на высеченной из камня скульптуре.

– Хочешь быть морским офицером - отдай всё от себя. Не держи, не придерживай. Учись каждый час. Будь собран, как кулак. У тебя богатства великого нет, наверное. Море – твоё богатство. А если бы и было у тебя другое богатство, вспомни про Великого Петра. Он ведь всего себя отдал России.

Молодое лицо его покраснело еще больше, глаза расширились, глубокие морщины пересекли широкий и открытый лоб.

– Смирна-а!

Дробь барабана возвестила: Российский флот получил новое пополнение офицеров. В их числе был мичман Ушаков.

Начало военной службы

В 1768 году Федор Ушаков находился в плавании на корабле "Три Иерарха" под командой капитана 1 ранга Самуила Карловича Грейга, а корабль находился в эскадре Григория Андреевича Спиридова (уроженца с. Нагорье Переславского уезда Ярославской губернии). Спиридов, перенеся свой флаг командующего эскадрой на корабль Грейга, лично проверил новшества и отметил их пользу. При всем этом присутствовал и Федор Ушаков.

Выдающиеся флотоводцы Грейг и Спиридов в 1770 году участвовали в Чесменском сражении.

Федор Ушаков в декабре 1768 года был переведен на Азовскую флотилию в команду контр-адмирала Алексея Наумовича Сенявина.

В 1769 году он ходил по Дону, в Черном, Балтийском и Средиземном морях.

В декабре 1779 г. Ф.Ф. Ушаков был командирован в г. Рыбинск и Тверь для доставки в Санкт-Петербург корабельного леса. В это время он побывал дома, встретился с матерью, отцом и родственниками в селе Бурнаково.

* * *

Родина, Родина- матушка милая,
Дым от родного огня!
Не разделить никакою силою,
Не оторвать тебя от меня.

П. Пенев

* * *

Вот я опять за родительским ужином,
Снова я вижу старушку мою.
Милая, добрая, старая, нежная,
С думами грустными ты не дружись,
Слушай - под эту гармонику снежную
Я расскажу про свою тебе жизнь...

С. Есенин.

Вокруг Скандинавии

Волна мягко шлепнула в борт пинка* «Наргин», на который получил назначение на

свою первую офицерскую должность Федор Ушаков. Резко зазвучала, почти закричала боцманская дудка. Боком, выставя плечо вперед, навстречу начинающему крепчать ветру выбегали морские служители. Федор должен был сегодня по распоряжку осуществлять все упражнения с парусами, и он, прибавляя себе баса, крикнул: «Паруса ставить!»

Несколько моряков стали карабкаться вверх, потом их босые ноги заскользили по нижнему канату. На грот-мачте матросы тоже приготовились растянуть полотнище. Боцман свистнул два раза и махнул рукой долговязому матросу: «Давай!». Долговязый схватил полотнище, потянул его и, не глядя, передал стоящему за ним. Моряки продернули толстый канат, подтянули еще немного парус. Теперь они проворно и слаженно тянули канат. Парус почти распрямился. Осталось еще немного, и можно было вязать. Федор видел, как покрылись потом лица моряков, напряглись жилы, мокрые пятна выступили на спинах. «Перевели бы дух, – подумал он, – а то ослабеют руки, не закрепят». Развернутый парус весь распрямился и забрал ветер, стал уже частью корабля, частью, которая вела пинк по серовато-зеленым волнам вблизи Норвегии.

– Отменно, мичман! – похвалил бесшумно показавшийся за спиной и наблюдавший за постановкой парусов, капитан. – К берегу близко не подходите, тут хоть и глубоко, но туманы. Я по этому пути вокруг Скандинавии ходил часто. Нелегкий путь. Холодный и коварный. Но вот придем в Архангельск, отдохнем!

Ветер гнал белые барашки волн, закурдявив ими море до горизонта.

– Пойдемте вниз, мичман, – позвал капитан Глебов, – а вы следуйте строго на норд, – кивнул он штурману.

Каюта капитана была оформлена без всяких лишних затей. На стене висела карта Севера Российской империи и Скандинавии.

– А вы сам архангельский, наверное, будете?

Капитан покачал головой:

– Нет, просто сей город обожаю. Меня не прельщает жить в нем постоянно. Но бывать там люблю. У города, да и у всей поморской земли история славная. Вы этим интересуетесь?

– Да, и историей, и нынешним состоянием морского дела никак не могу не интересоваться. Ведь я себя на всю жизнь к морю причислил, – ответил Федор.

– Похвально, похвально сие стремление. Оно может способствовать вашему преуспеванию в морском деле и доставит вам пользу и удовольствие, а любезному Отечеству

достойного и знающего, ко всему способного человека.

Долго рассказывал капитан о земле вокруг Архангельска, её богатстве, о славе и гордости города – вот где Российский флот строится, вот откуда все наши корабли. Лишь через два часа отпустил капитан молодого мичмана, который внимательно слушал бывалого моряка. Миражный северный город становился ему все ближе и родней.

Через несколько дней показалась

суровая Кола, здесь высадили на берег в наскоро сооруженный шалаш затрясшегося в лихоманке матроса, по ногам его пошли язвы. Но что это была за болезнь, лекарь не установил. Заболел и умер второй матрос, и капитан, опасаясь, что болезнь скосит весь экипаж, сделал то, что по морским законам того времени делали почти все капитаны.

– Безжалостный, однако же, он оказался, – угрюмо подумал Ушаков.

А Глебов, как бы почувствовав неодобрение мичмана, резко сказал:

– Спасать надо не одного, а всех, – и уже миролюбиво добавил. – Мы ему ружье оставили, порох, еду. Жив будет, заберем на обратном пути! Или рыбаки снимут, коли жив останется.

К Архангельску подходили утром, когда клочья тумана отлетали от фасада города, и он сам выплывал навстречу кораблю. Корабль стал на карантинном рейде, спуская один за другим паруса. Подзорная труба, которую подарил Федору сам капитан, медленно двигалась

вдоль набережной. Вдали клубились дымы, вспыхивали огни кузниц, протянулись вдоль берегов лесопилки. канатные, парусные, якорные железные мастерские. То был город северных корабелов, который не хотел терять эту славу.

Бессонные ночи на вахте, выворачивающая нутро качка, шквалы холодного норд-оста, сбивавшие корабль с курса, затхлая вода, солонина, казалось, могли отвратить от плавания любого морского волка. Но Федору Ушакову этот первый дальний переход вокруг Скандинавии был в радость. Нет, он ощущал и трудности, но как что-то мимолетное, неизбежное в стремительном полете своего белопарусного корабля, в освежающем морском ветре, без которого ему уже плохо дышалось. И там, где другого качка укладывала напрочь, он стоял крепче и устойчивее. Архангельск отныне для него тот город, который ему дорог, ибо достиг его Ушаков вместе с командой в своем первом зарубежном плавании, преодолев дальние пространства, невзгоды путешествия, обретя уверенность и опыт. Здравствуй, северный город, город, сохранивший нам флот, корабелов, морские навыки у моряков.

Императорский кабинет

Екатерина II

Екатерина посмотрела на Мордвинова. Он встал, поклонился и негромко сказал:

– Мы, государыня, предлагаем, чтобы наш флот был не только равносильен каждому соседнему – датскому или шведскому, но и по числу кораблей превосходил их.

Екатерина собрала у себя лучших морских командиров: Григория Спиридова, Семёна Мордвинова, Алексея Сенявина, Фёдора Милославского, Ивана Голенищева-Кутузова, Фёдора Клокачёва, Степана Хмелевского.

Адмиралы стояли группами, тихо переговаривались, обменивались мнениями.

Екатерина II вошла стремительно, жестом пригласила всех садиться.

– Памятовать надлежит, господа, что сила и знатность флота не в одном количестве матросов и корабельных пушек состоит, – окинула императрица взглядом присутствующих. – Потребны сегодня искусные флагманы и офицеры, нужен план для возвращения русского флота. Я имела возможность недавно посмотреть на маневры вышедшего в море нашего флота. Так он больше походил на флот Голландии, выходивший на ловлю сельди. И вот мы утвердили Адмиралтейств-коллегию. Её главой назначили достойного мужа адмирала Мордвинова. А её членами – графа Чернышёва, контр-адмирала Милославского, вице-адмирала Спиридова. Права большие вам даны. Что будем делать, господа? Каков ваш план?

Екатерина кивнула головой.

– Что вы скажете, Григорий, – обратилась она к Спиридову.

– Матушка-государыня, во флотские чины лезут без надобного умения люди, которые лишь кричат о великой приверженности трону, а на самом деле хотят перескочить ступеньки в службе, каждая из которых добавляет опыта и знания. Мы и решили создать комиссию, которая должна каждый год выставлять баллы: «достойные», «сомнительные», «недостойные». В ранг высший переводить надо тех, кто получит не менее трети «достойных» баллов.

– Ну, что ж, план достойный, надо приступать к исполнению, – соглашается императрица. – Мы все знаем, что флотская служба знатна и хороша, но вместе с тем трудна и опасна, посему монаршую милость* заслуживает.

Григорий Спиридов

Война с Турцией

В 70-х годах в Черном море все чаще стали появляться турецкие эскадры. Складывающаяся обстановка вызывала тревогу при дворе Екатерины II. Поэтому в 1778 году в тридцати километрах выше устья Днепра было устроено адмиралтейство, основаны порт и город Херсон, ставший центром кораблестроения. Во главе был поставлен князь Григорий Александрович Потемкин.

В числе других офицеров, отправленных в Херсон для строительства кораблей, был и капитан второго ранга Ф.Ф. Ушаков, который строил корабль №4 ("Святой Павел").

В это же время в городе начинается чума. Ушаков со свойственной ему пунктуальностью стал твердо устанавливать особый карантинный режим. Всю свою команду он разделил на артели, у каждой была своя палатка из камыша. По сторонам от палаток устанавливались козлы для проветривания белья. Отдельные палатки для больных и здоровых. На удалении была больничка, еще дальше - особый карантинный лагерь для выдерживания заболевших.

За умелые действия при борьбе с чумой и проявленные при этом старания Ф.Ф.Ушакову была объявлена благодарность от Адмиралтейства, а вскоре он был пожалован орденом «Св. Владимира 4-ой степени».

* * *

Как всегда в России приступили к подготовке к войне с запозданием. 14 октября 1768 года Турция объявила войну России, направив предварительно свои войска к её границам.

В своём кабинете Екатерина II с раздражением говорила собравшимся Паниным, Голицыну, Захару Чернышёву и Григорию Орлову:

– Я перед препятствиями отступать не умею и не хочу. Коль турки навязали нам войну, то мы должны подпалить турецкую империю с четырёх углов. Нашим братьям славянам... Да-да, я как православная государыня вам это говорю, нужна помощь в свержении деспотизма турецкого. Графу Алексею Орлову предстоит новый фронт борьбы против турок разжечь, чтобы оттянуть их войска с Дуная. Он будет командовать всем русским Флотом. Что скажете, господа адмиралтейцы?

Встал Чернышёв:

– Государыня, – важно начал он, – эскадра собрана. Частью – в Кронштадте, частью – в Ревеле. Запасы продовольствия, боеприпасов сделаны. Намечено обучение команд в походе, чтобы они овладели опытом ведения морского боя. Командующим первой эскадрой стал самый опытный на сей момент вице-адмирал Григорий Андреевич Спиридов.

Затем поднялся контр-адмирал Алексей Сенявин:

– Ваше императорское величество, турок мы не победим, если на Чёрном море свой флот не утвердим.

– А что, контр-адмирал, думаешь, что голова императрицы этим не занята? – спросила Екатерина. – Я, Алексей Наумович, день и ночь об этом думаю, и каковы наши там возможности в этих безводных степях – точно не знаю. Где флот строить? В Киеве? А как через пороги провести? Может, как Пётр Великий, всё в Воронеже начинать? А остались ли там мастера умелые? Вот и думаю я, Алексей Наумович, что великая задача – построить первые русские эскадры на Чёрном море. И это вам по плечу. Я вас вместе со Спиридовым к сему назначила, но его вот в Средиземноморье отправила, а вы славу России здесь сыскать должны на южном фланге империи.

Алексей Наумович Сенявин и южный флот России

Алексею Сенявину было поручено основать новый флот по методу Великого Петра.

Создавать флот в досягаемости от врага без умелых плотников, мастеров, без материалов, высушенного леса, железа, канатов, парусов было почти невозможно. Нужен был строитель, администратор, командующий, который был бы способен сдвинуть с мёртвой точки, ценой невероятных усилий возглавить эту гигантскую операцию и таким образом решить поистине историческую задачу – воссоздать южный флот России, взять командование на себя, разгромить неприятеля, обезопасить морские рубежи. Задача эта была исполнена постепенно, но на первом этапе вершителем её был энергичный, умелый, напористый, мужественный контр-адмирал Алексей Наумович Сенявин. И вот...

Мчится он сквозь зимнюю стужу из Петербурга в Воронеж.

А. Н. Сенявин Заезжает в Москву. Ругается с чиновниками: уже месяц, как плотников, рекрутов* отправить надо в Воронеж, а их всё нет. И мчится вновь сквозь пургу в Воронеж, Тавров. Там, на верфях** стоят унылые, недостроенные корабли. Собирает он артели*** плотников, бросает их на достройку. Затем спешит в Таганрог. Там надо сделать все промеры в гавани. И не страшится он отрядов турок и татар, которые бороздят степи. Ему флот строить надо, а не ждать, пока война кончится.

А в С-Петербург пришёл документ на направление в распоряжение контр-адмирала Сенявина молодых офицеров:

– Направляются в Азовскую флотилию:

лейтенант Мальцов – командовать вновь строящимся кораблём,
лейтенант Разводов,
лейтенант Ханыков,
лейтенант Ушаков.

– Направляетесь вы в Ново-Хоперскую крепость для принятия сиих кораблей и формирования экипажей. А затем в Азовскую, ещё не существующую, флотилию, которая с вашим прибытием и создана будет, – зачитали им в канцелярии.

Лейтенанты шумно и весело вышли, Илья Ханыков предложил погулять вечером.

– Нет, други, – сказал Федя, – я поскачу сегодня же в родительское Бурнаково, батюшку и матушку обнять. У меня в Санаксарском монастыре дядя, человек святой жизни и мудрости. И у него совета испросить хочу, благословиться.

– Будь готов к тягостям и опасностям, Фёдор, – говорил неторопливо отец Феодор. – Пусть лишения тебя не испугают, пусть трудности тебя закалят. Готовься снести горечи, обиды, непонимание, козни всякие, раны телесные и душевные, но останься стоек, храбр, непреклонен, неподкупен, беззаветен в любви к Отечеству, а с тем вместе дружелюбен,

доброжелателен к людям. Не обидь ближнего. Умей силой своей души оживить доблесть в сердцах.

Ещё до восхода солнца от стен Санаксарского монастыря унеслась в тревожную мирскую жизнь кибитка с морским офицером и его думами, стремлением к свершению дел полезных и нужных людям и Отечеству, императрице и Богу.

По Дону на праме

Для северян такое жаркое мартовское солнце было в диковинку, размаривало, даже сидевшие на веслах пытались дремать.

– Гляде-еть вперед! - всё покрикивал командир Ушаков. Да, то было первое, подчинённое ему судно, – прам №. 5. Он на нем уже плавал под началом Апраксина, стоял под началом капитана 1-го ранга Пущина в устье Дона, оберегая Азов от турок. Но вот командует, капитанствует впервые.

Прам ткнулся носом в песок, солдаты, что ныне попадали: кто на скамьи, кто на борт привалился, а стоящий у кормы и, наверное, задремавший часовой вывалился в воду и закричал. Хороша команда! Ушаков, чтобы привести в чувство, объединить, резко и пронзительно скомандовал:

– Якорь отдать! Весла сушить! Кормовой, брось конец утопающему, а то захлебнется в луже.

Еще две-три команды, и кутерьма на праме как-то улеглась, все успокоились. Якорь плюхнулся в песок, небольшой трапик лег почти у берега, и Ушаков, опустившись на берег, приказал боцману раскладывать невдалеке костры, благо несколько бревен выловили по дороге, и готовить пищу.

Он же пошел доложить прибывшему в Новопавловск вице-адмиралу.

Небольшую шлюпку командующего несуществующим флотом хорошо знали в Таврове, Павловске и в Икорце, да и по всему Дону, ибо она появлялась без предупреждения там, где стопорилось дело, не хватало леса, рабочих, не могли разобраться в чертежах, не хватало продовольствия, ссорились между собой военные и морские начальники, кричали друг на друга строители. Тут-то и появлялся Алексей Наумович. Быстро всех мирил, передвигая сроки, конечно, в сторону уменьшения, наказывал нерадивых, поощрял старательных и всех заражая целью – построить южный флот России.

Вот и здесь, в Новопавловске, он собирал очередной отряд построенных, или вернее полупостроенных, кораблей, чтобы пустить их вниз по Дону.

Ушаков зашел мимо дремавшего часового в избенку, что стояла над Доном, далеко раскрывая обзор речной долины.

– Лейтенант Федор Ушаков прибыл на праме номер пять!

Стоящий у подслеповатого окошка военный моряк медленно развернулся.

– Вижу, что прибыл! У тебя чего моряки за борт валяются? Аль мало кормишь?

Ушаков смутился:

– Ваше превосходительство, не моряки они еще. Ни под парусом, ни на веслах как следует ходить не умеют. Учю их.

– Ну, учи, учи. Да быстрее. Нам не век по степным речкам ходить. Скоро в море. Пройдут по Дону-то?

– Должны пройти, мы неплохо двигались, хотя все было.

Вице-адмирал запахнул шинель и сел в невесть откуда взявшееся здесь резное кресло.

– Вот смотри, что я графу Чернышеву пишу и вскорости отправлю.

Он выхватил лист бумаги у недвижно сидящего писаря и зачитал: «Успех в строении судов по состоянию времена и людей идет так, что больше, кажется, требует мне от них нельзя, в чем могут свидетельствовать спущенные на воду суда... всего

спущенных судов на воду, кроме нынешнего и машины с понтонами*, пять, сверх того уже на воде состроенных шлюпок 10, палубных две, 8-весельных восемь, прочие же суда в Павловске обшивкою внутри, а снаружи одеты, выконопачены и к спуску готовятся... а на будущей неделе, если вода помешательства не сделает, уповаю спустить все».

Сенявин помолчал, строго посмотрел на Ушакова и потряс бумагой: «Ты понимаешь, лейтенант, что мы тут совершаем?! А?»

Ушаков не успел ответить, что понимает, видит, что все говорят о флоте, но его еще нет, и видит его силу пока еще один неистовый вице-адмирал. Но тот закашлялся, затрясся, махнул рукой:

– Я вот сюда прилягу, шубой накроюсь. Лихорадка чертова ещё из-под Кольберга терзает. А ты про Дон расскажи, про устье, что там ждать можно? С лоцманом шел? Или по карте? Как солдатики-то на кораблике, в мореходцев превращаются?

Ушаков долго рассказывал про капризы Дона, заносы песчаные в устье, где можно застрять надолго, про круговерти опасные и про то, как надо бы отбирать во флот людей бесстрашных, воды не боящихся.

– Где их взять-то? – ворчал Сенявин. – Не будешь же всех из Архангельска да Новгорода тащить, там Балтийский флот на них держится. Надо южного мужика с морем связать. Он здесь тоже сметливый да понятливый. А ты сам-то откуда родом? Ярославский? Ну, вот губерния – тоже для мореплавателей подходящая. Гриша-то Спиридов ведь тоже оттуда.

Не сразу понял Ушаков, что это он о главном адмирале России, о Григории Андреевиче Спиридове и его эскадре говорит. Сказал с почтением:

– Великая миссия им досталась. В какое логово подались, с самым большим флотом встретятся. Каково-то им там?..

Сенявин присел, задумался и доверительно обратился к Федору: Я признаться могу, сам на них с величайшей завистью смотрю. С природы-то я не завистлив был. А теперь под старость черт дал зависть. Рассуди: они все ведут службу прямо по своему званию по морю, да и на кораблях, а я, как гусар, пешком.

Тень печали и болезни легла на лицо Сенявина. Он задумался, но ненадолго: кучей ввалились офицеры, строители, кричали друг на друга, указывали пальцем, хватили за кафтаны и мундиры.

Сенявин выслушал всех, пожурил кого-то за самовольство, сказал: – А теперь давайте щей похлебаем.

Пока расставляли миски да раскладывали приборы, Сенявин вызвал уезжающего в Петербург капитан-лейтенанта. Тот пришел и доложил. Ушаков обнялся с вошедшим, обрадовался как родному. Ваня Апраксин, его прошлогодний командир на праме, вместе Дон обуздывали. И вот уже в Петербург. Что так быстро? Тот обернулся и тихо сказал:

– Перемер все, Федя, здесь. Надо хоть в бой, на Средиземное, но от этой гнилости бежать. Вон, смотри, адмирал наш совсем плох.

Сенявин, как бы услыша, обернулся к Апраксину и тихим хриплым голосом сказал: – Прошу о сей моей болезни жене не сказывать, и ежели она от кого о том может узнать, то примите на себя труд уверить ее, что я здоров.

И лихорадка снова забила его мелкой дрожью, но он пересилил себя, сел за стол вместе со всеми, расспрашивал о текущих делах.

Прощались все вместе, каждому сказал деловое напутствие и дал наказ. На Апраксина посмотрел грустно и сказал:

– Езжайте немедленно, господин капитан-лейтенант, рапорта мои передайте вице-президенту Адмиралтейств-коллегии его светлости Чернышеву. Да скажите ему, что мы дело свое исполним. И не умрем. – Подумал и добавил: — Впрочем, многие умрут.

Ушакову подал руку и неожиданно вспомнил:

– А ты мне здорово отвечал на экзамене. Чувствую, что наука впрок пошла. Вот что,

встань-ка на реке Кутюрме дозором, не дай бог турки две шлюпки пришлют и весь флот наш пожгут. Считай приказ тебе до осени. Ну, давайте с Богом за дела!

Таганрог – Крым - Балаклава

К весне со всех стапелей* на Дону сошло 12 «новоизобретенных» кораблей, 5 двухъярусных прамов, 1 дубельшлюпка**, 1 палубный бот***, 58 лодок с двумя пушками. Корабли были построены. Сенявин получил звание вице-адмирала. Однако флота еще не было, необходимо было собрать корабли в кулак и переправить их к крепостям Азов и Таганрог. Переход этот был нелёгкий и изнурительный. Команды только учились ставить паруса, грести. Прамы осторожно двигались по воде, натыкались на песчаные косы, преодолевали их. Почти сорок километров протащили посуху их на катках рекруты и солдаты.

Летом 1770 года двинулись все к Таганрогу. Там уже укреплялась набережная, делали гавань, строили дома, казармы. Однако на Таганрог осенью обрушился сокрушительный смерч. Так стихая еще раз испробовала крепость кораблей и людей. По Таганрогу, казармам, землянкам ходил мор, хлестала людей лихоманка (лихорадка). Умирили солдаты, умирали корабельные мастера, умирали архитекторы, умирали офицеры. Дорогой ценой заплатила Россия за этот свой первый порт и базу на Азовском море.

Весной 1771 года Азовский флот получает боевое крещение. Корпус генерал-майора Щербатова армии князя Долгорукого ведет наступление со стороны Геничи и Арабата в тыл турецким войскам, находящимся в Крыму. Сенявин должен был поддержать это

наступление, как только «вскроются воды».

18 мая эскадра тронулась в путь. Выпали на ее долю и штормовые ветры, что повлекли на дно пять кораблей, лодок и шлюпок. У Геничей флот помог построить мост через косу и двинулся к проливу Еникале, где и встретил турецкий флот из 40 судов, галер.

Эскадра Сенявина пошла на сближение, но турки, потрясенные появлением русского флота, бой не приняли и отступили. Русские корабли

Линкор «Три Иерарха»

встали на Еникальском рейде и вступили «сполна во владение Азовским морем».

Ушаков в эти годы исполнял немало серьезных поручений и заданий. На праме номер пять под командой капитан-лейтенанта Апраксина плавал от Новохоперска к Азову. Потом на том же праме плавал, охраняя устье Дона в 1769 году. В том же году он был произведен в лейтенанты и уже в следующей кампании сам командовал этим прамом. В строящемся и становящемся на короткий период основной базой русского флота Таганроге тоже разворачивалось строительство, и лейтенант Ушаков доставлял туда лес, командуя транспортными судами. В 1772 году он получил важное задание – поднять затонувшие и застрявшие на Дону корабли с припасами и материалами. В этом же году на палубном боте «Курьер» впервые прошел от Таганрога до Кафы (Феодосия) и далее до Балаклавской бухты. «Новоизобретенные» шестнадцатипушечники «Модон» и «Морея» под его началом оказывались то в Таганроге, то в Балаклаве, то в Кафе, то в Керчи,

участвуя в разведке, охране берегом, защите крепостей побережья от турецких десантов. Черное море стало для него тогда морем познания морского ратного труда. Первой боевой школой командования людьми и кораблями. В 1775 году Федор Ушаков был переведен в Санкт-Петербургскую корабельную команду и произведен в капитан-лейтенанты.

Собирать по человечку...

Заканчивалась русско-турецкая война. Лейтенант Ушаков получил задание провести «новоизобретенный» корабль «Модон» из Керчи в Балаклаву. На палубе сбилось три десятка рекрутов, со страхом глядевших на удалявшиеся берега.

— Ну что, братцы, приуныли? — весело бросил Ушаков, проходя мимо. — Или страшно?

— Страшно, ваше благородие. Но не всем.

— Откуда будете?

— Да отовсюду. Вот мы ярославские. Те, что глаза аж закрывают, калужские. Я хожу, их успокаиваю.

— А тебя как звать-то, ты что за всех отвечаешь? Старший?

— Не-е-е! Никто не назначал. Зовут Петром Золотарёвым. А старший-то вон уже спать укладывается.

Седой солдат, подложив под голову вещевой мешок, дремал, не обращая внимания на качку.

— А я тоже морекача не боюсь. Я мальчишкой на деревья самые высокие забирался и не боялся.

— Ну, а у пояса-то, что у тебя привязано?

— Топор. Мы, ярославские, без топора как без рук. Все им выделать можем, закрепить, сколотить.

— Хм-м! А не хочешь ли навсегда в морском услужении остаться? Чувствую, ты к этому способен.

— Да-к я что? Мы люди подневольные. — Солдат помолчал и со вздохом закончил. — Эвона у вас как раздольно на море-то. Дыши вольно, не скрючивайся. Да и командиры какие добрые, — и он с доброжелательностью посмотрел на Ушакова.

Балаклава была селеньем невзрачным. Несколько наспех сбитых офицерских домов, высеченные в камнях солдатские и матросские казармы. Дом самого коменданта был, пожалуй, главным и красивым местом селенья. В левой половине с небольшим садиком жила семья, а в правой с утра раздавались распоряжения, разводились по приказу посты, караульные начальники записывала в журнале происшествия за сутки. Сюда и прибыл с сухопутной командой широкоплечий лейтенант Ушаков. Его корабль «Модон» покачивался в бухте, необычно спокойной и ласковой.

— Прибыл для защиты крепости от турецкого флота, — четко доложил он коменданту.

— Давай, дружок, давай, защищай, — протянул ему руку комендант. — А на обед ко мне проследуй, моя Наталья Ивановна щи еще не разучилась варить.

Ушаков сдал ему сухопутную команду, распорядился о доставке воды и продовольствия на корабль, обошел селение и в полдень постучался в левую дверь комендантской.

— Входите, не заперто, — послышался ласковый голос. Ушаков сразу покраснел, стушевался, потом решительно взялся за ручку, рванул ее на себя и, пригнувшись, шагнул внутрь. От стола, стоящего в углу комнаты, повернулась расставлявшая посуду девушка. Серые ее глаза внимательно, без робости рассматривали вошедшего.

— Вот о вас батюшка, наверное, говорил: приехал волшебник морской, теперь турок нам не страшен...

Ушаков поклонился.

– Меня Федором Федоровичем зовут. С турками, если надо, будем биться и вас в обиду не дадим. Хотелось бы знать ваше имя, кого защищать будем.

– О, вы в обиду себя не дадите, – благосклонно заметила девушка и сделала церемонный присест. – Меня Полиной зовут, и я здесь у батюшки недавно. Семьи сюда еще никто не решается привозить. Ну, а теперь, с вашим приездом, – опять улыбнулась девушка, – нам нечего бояться.

– А господин комендант, что, ещё не освободился от забот? – перевёл Фёдор разговор.

Тут дверь в горницу открылась, и с приступочки, идущей из рабочей половины, ступил комендант в растрепанном парике, в небрежно застегнутом мундире. Развел руками:

– Дел не перечесть. Вот и хорошо, что ты здесь, дружок, – обратился он к Ушакову. – Поди, с Полиной моей познакомился. Она тут засиделась у меня, заскучала, все ее в столицу тянет. А будешь приходить, вдвоем веселее будет.

– Батюшка, – покраснела Полина, – господин лейтенант не для того сюда прибыл, чтобы девиц развлекать. Он нас от неприятеля защищать будет, а вы...

– Знаю, знаю, а ты не сердись на старого. Я ведь говорю, что думаю. Садитесь, Федор Федорович. Щей отведаем.

Пришла и комендантша, по ее указанию матрос разлил бачок щей, поставил в центре стола крупно нарезанный хлеб и ушел...

Федор Федорович обстоятельно рассказал о себе.

– А вы сколько у нас пребывать будете? Чем вам помочь в обустройстве? – спросил комендант.

Ушаков поблагодарил его, сказал, что сам устроится, но вспомнил вчерашний разговор на корабле и попросил из сухопутной команды передать ему на корабль солдата Петра Золотарева.

– Я решил себе служилых людей подбирать в команду по одному: у которых к морю тяга есть, к мореходному искусству предрасположенных и качки не боящихся.

– И-и-и, дружок, – замахал руками комендант, – так у нас порядку никакого не будет. Начнут переводить из сухопутчиков в матросы, из матросов в солдаты. Служить каждый должен, где ему предписано с самого начала.

Ушаков помрачнел, лицо стало суровым, скулы затвердели.

– Так ведь они свое воинское и морское дело искусно исполнять должны. Не каждому рождённому дано быть моряком. И топчет он башмаками пыль по дорогам, а море его ждет. Я и хотел бы по человечку команду собирать, натуру каждого досконально знать.

– Прости меня, дружок, но ты чепуху городишь. Какое искусство у солдата и моряка быть может? Ему поворачиваться надо направо и налево, во фрукт стоять да команды исполнять, а искусство это ваше дело. Вы дворянин, ученье прошли высокое, науки знаете, – занервничал комендант.

Ушаков понял, что вопрос не решил, с комендантом рассорился, и стал собираться. Помощь пришла с неожиданной стороны. Полина, что переводила во время спора взор с коменданта на лейтенанта Ушакова, встала, зашла за спину отца, обняла его и ласково сказала:

– Батюшка, а ведь Федор Федорович прав, ежели не будем учить делу, не будем собирать достойных, великих предначертаний императрицы не осуществим.

При упоминании императрицы комендант выпрямился, потрогал, на месте ли эполеты, и горестно завздыхал...

Через несколько дней Петр Золотарев появился на корабле «Модон». Так началось собирание непобедимого братства моряков Ушакова.

Смолкли пушки войны. Многие офицеры переводились снова на север, на беспокойную Балтику, где Екатерина II желала спокойно, без оглядки на флоты Швеции, Дании и Англии править.

Лейтенант Ушаков зашёл к коменданту Балаклавы попрощаться, у него тоже лежало в кармане предписание о переводе в Санкт-Петербургскую корабельную команду. Комендант пожелал счастливого пути и сказал:

– С богом, лейтенант, становись скорей капитаном!
Ушаков козырнул, развернулся и вышел, на душе было хорошо и светло.

Мудрое решение

Г.А. Потемкин

купецким флагом, а «Северный Орел» для сопровождения, как фрегат военный.

Потемкин, присев у камина, стал шевелить угли щипцами.

– Надобно молодых офицеров поприсмотреть в походе, – продолжала Екатерина. – В поход сей назначили мы охотников и всех со знанием нескольких языков. А командиры знать обязаны английский, французский да итальянский. Хорошо стали готовить офицеров. Сия практика есть лучшая школа для них. Пусть поупражняются в пути, и ясно будет, кто в будущих войнах па первые линии выходить должен.

Екатерина потеряла виски и сразу вспомнила недосказанное, заторопилась.

– Да-да, сии походы уменья флоту добавляют... В предыдущем походе сколько раз на мели натыкались, на якоре стояли. Волна отходила, и вся громада корабельная на песок садилась. Я им приказала вести записи, точно описывать и сочинять планы портов, виды берегов, промеры глубин производить и обо всем в Коллегию доносить. А кроме того, сии фрегаты под видом купеческих судов следует в Черное море провести. У нас такие там еще не строятся...

«Северный орёл»

Отбирали в эту экспедицию тщательно. Федор Ушаков попросился первым: английский он знал, с французским управлялся, а итальянский, который обязали выучить, обещал познать по месту прибытия.

К 14 июня 1776 года все было готово к отплытию. Капитан 2-го ранга Тимофей Козлянинов, что возглавил экспедицию, собрал всех офицеров перед отплытием в большой каюте на «Северном Орле».

– Мы собрались здесь, дабы еще раз проследить по карте движение наше, выслушать секретную инструкцию для неукоснительного пользования, уточнить пункты относительно нашего сношения с посланниками российскими за рубежом.

Капитан встал, отдернул шторку у карты и, строго поглядев на офицеров, словно убеждаясь в их благонадежности, изложил план их движения.

– Фрегаты «Павел», «Наталия», «Григорий» идут с коммерческими товарами, под видом купеческих. «Северный Орел», на коем буду я, для их препровождения назначен. В

Ливорно, куда мы придем, в ведомстве генерал-майора Ганнибала есть еще два фрегата — «Святой Павел» о двадцати шести пушках и «Констанция» о двадцати четырех. Они там к нашей эскадре присоединятся. Мы с вами на всем пути неразлучно следовать обязаны. Ежели какие приключения, штормы, туманы и прочая приключится, следует незамедлительно докладывать.

И он походил вдоль каюты, сообщил адреса консулов, по которым следует сообщать о неприятностях.

— Однако же ни в какие порты без необходимой нужды не заходить. В крайнем случае можно заходить в английские порты и ни в коем случае во французские. Козлянинов склонился над картой.

— Первое рандеву назначаю здесь, в Гибралтаре, а потом далее в Средиземном море. Вы первый раз в таком походе и должны я знать, что в Средиземном море бродят морские разбойники и надо употреблять всякую осторожность при встрече с ними и быть всегда готовым защитить как свой фрегат, так и другие.

Капитан свел брови, подумал, как бы примериваясь к ситуации.

— Но каков бы ни был вид разбойный у всех кораблей, самым на них не нападать.

Далее Тимофей Козлянинов поздравил всех с началом похода и пожелал усердной службы.

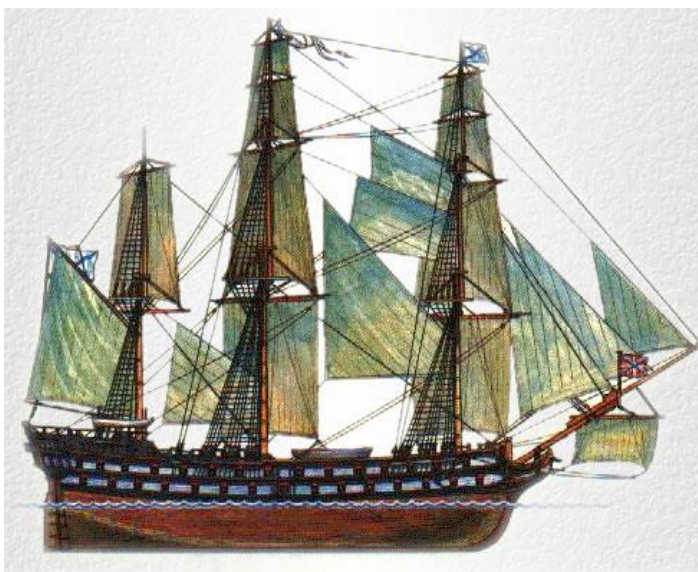
Федору Ушакову в усердии отказать было нельзя, достичь морскую науку дальнего перехода хотел давно. Расстояния, конечно, были несравнимы с его первым архангельским дальним походом. «Северный Орел» стал для него новым морским училищем, таким же важным, как Кикин дом. Под командой Козлянинова Федор стоял на палубе при подходе к Копенгагену, неотступно следил за компасом в Английском канале, проводил обсервацию* и Атлантическом океане, давал команды при салюте у Гибралтара, снимал план порта Магон. Козлянинов в конце похода, довольный настойчивостью и умением хваткого офицера, с удовлетворением сказал:

— Ну вот, капитан-лейтенант, в вас никто не ошибся — ни те, кто рекомендовал, ни я, когда брал в поход. Готовься, Федор Федорович, корабль в Ливорно принять.

И, видя радостное выражение на лице Ушакова, разъяснил:

— Я же говорил, что там у нас еще с Архипелагской экспедиции фрегат «Святой Павел». Готовься принять его у Паниоти. Да скажи мне, что для этого фрегата нужно, ибо я отсюда скоро в поход отправлюсь.

Так и принял Ушаков в сентябре 1776-го под свое начало первый свой в Средиземноморье фрегат.

С 1777 года Федор Ушаков, командуя фрегатом «Святой Павел», участвовал в беспрецедентной экспедиции русского флота в Средиземное море, длившейся три года.

Во время этого похода будущим адмиралом был приобретен богатейший опыт длительного плавания и детально изучен морской театр будущих военных действий.

Осталась и масса незабываемых впечатлений о никогда не виденных землях и странах.

Фрегат «Святой Павел»

Ливорно — Константинополь

Ливорно для Ушакова родным городом стал. Здесь после дальних переходов в Мессину, на острова Архипелагские, в Гибралтар и на Мальорку, экипаж отдыхал.

Ему отдыхать не нужно было. Все больше его тело в морском походе как-то распрямлялось, наливалось упругостью, здоровьем, дышалось ему на палубе свободнее, в голове было ясно и спокойно. Хорошо думалось, далеко виделось Ушакову. Он не ощущал себя песчинкой в этой пучине морской, нет, наоборот, он все больше и больше чувствовал море, учился повелевать в стихии, быть неподвластным ее разгулу. «Святой Павел» — это уже не плоскодонные тихоходы «Курьер» и «Модон». Пушки опоясывали корабль, скорость была отменной, так что никакой пират не спасется. Правда, половина пушек была спрятана, дабы не возбуждать ни французов, ни неаполитанцев, ни венецианцев, а тем паче турок. Жадно всматривался

в портовую жизнь Ушаков, приглядывался к иноземным кораблям, порядки на них изучал. Приглашал в гости к себе капитанов с оказавшихся рядом судов. Сам показывал всё достойное на корабле и их расспрашивал. Расспрашивал обо всем, рассматривал приборы, интересовался картами, сведениями о мелях, рифах, песчаных косах, преграждающих путь.

— Ты, Федор, как будто век ходить по Средиземному собираешься, все тебе надо, — ворчал Астафий Одинцов, его сотоварищ, капитан «Григория», когда Ушаков пригласил его вместе с ним съездить на стоящий на рейде французский корабль.

Ушаков слушал всегда внимательно, переспрашивал, как будто сам проигрывал бой. И плавал, проводя торговые караваны судов, разгоняя пиратов.

Два раза пытались выйти в Черное море под коммерческим флагом фрегаты «Констанция» и «Святой Павел». Турки, однако же, несмотря на заверения, данные чрезвычайному посланнику России, корабли задерживали и из вторых Дарданелл — так называли Босфор — не выпускали. Товар, который фрегаты привезли, распродали, новый загрузили, а согласия на проход в Керчь не было.

Осенние теплые ветерки ласково трепали волосы, располагали к неге и отдыху. Ушаков же не отдыхал. Не отдыхал сам и другим не давал отдохнуть. Два раза в день проводил он экзерции*. Утром — по постановке парусов, вечером — по мастерству и ремонту корабля. Ввел четкое судовое расписание для похода, стоянки, на случай боя. Вместе с офицерами и морскими служителями отрабатывал, расставлял всех на всякий возможный случай в практике. Был уверен, что без определённого порядка ни в каком деле желаемого успеха не достигнуть.

Ушаков посмотрел на часы. Вахтенный крикнул: «С левого борта шлюпка. Просят взойти». На палубу поднялся русский чрезвычайный посланник и полномочный министр Стахив.

— Что служителей мучаешь, Федор? Турки мне несколько раз сказывали, ежели бы это коммерческие корабли были, то там команду бы ни за какие коврижки не заставили упражняться в умении.

Ушаков смутился, хотел как лучше, он знал, что безделье людей губит. Не согласился.

– У турок вон и на военном-то фрегате кверху животом лежат. У каждого свои порядки, господин министр.

Стахиев не возражал, с любопытством осматривал вычищенный и выдраенный корабль, потрогал тросы, похлопал по стволу одну из корабельных пушек и задумчиво продолжил:

– Да, порядки здесь свои, и их не переиначишь. Им все грезится непобедимость. И с российским выходом в Черное море они не согласны. Вот что, Федор Федорович, – оглянувшись по сторонам посланник, – не пропустят они вас в Керчь. Не хотят миру вечного. Боюсь, что еще раз придется учить сии горячие головы. Козлянинову я обо всем поведал. И вот пакет для Петербурга, ежели будете вскоре туда следовать.

Ушаков понял с сожалением, что в Крым он отсюда не попадет, разве что снова из Петербурга.

Посланник походил еще по кораблю, отобедал у капитана, расспрашивал про средиземноморские поездки. Ушаков же интересовался турецким флотом, распорядком на кораблях, артиллерийским снаряжением, строительным умением мастеров, прочностью парусов корабельных.

– Ты что, Федор Федорович, думаешь, я тоже морское училище закончил? Я от тебя впервые термины и понятия многие слышу. Придется раскошелиться, дабы узнать то, о чем ты спрашиваешь.

Спускаясь в шлюпку, Стахиев полуобнял Ушакова:

– Орел ты, орел северный. Правильно делаешь, что моряков учишь. Уменьем, да мастерством, да храбростью только и можно победить. Готовься к новым битвам, капитан. Чувствую, восходит звезда твоей судьбы дерзновенной.

Федор Федорович поклонился и тоже не по форме ответил:

– Спасибо, Александр Стахиевич. Судьбу — ее выковать надо. Хватило бы... — он не окончил и долго смотрел вслед отплывающему русскому послу.

1799год. Корфу. Пасха

Офицеры, солдаты, моряки, островные жители, аристократы, торговцы, рыбаки

собрались в храме. Все усердно молились. С улицы слышалось пение, молитвы. Это крестный ход. Идут со свечами, факелами. Впереди хоругви*. Все ближе подходят к храму, звучит на греческом и русском «Христос Анестис!», «Христос Воскресе!» и в ответ слитно: «Воистину Воскресе!».

Из храма идут вокруг городской площади, впереди священство

Вид на остров Корфу

несёт мощи

святого Спиридона, несётся наряду с «Воистину Воскресе!» и «Святой Спиридоне, моли Бога о нас!». Ушаков поддерживает носилки с сидячими мощами святого Спиридона в

облачении и вместе со всеми повторяет: «Святой Спиридоне, моли Бога о нас!» Вот он уже во главе процессии. Говорит, склонившись к князю Голицыну:

– Вот не думал, не гадал, что прикоснусь к святым останкам святого Спиридона. Он ведь у нас как хранитель домашней обители почитается. И вот мы в его земное обиталище пришли.

Процессия идет, впереди колонна солдат и моряков со знаменами и штандартами** России, за ними – литавристы, барабаны, дудки, хоругви, затем икона Спиридона и его мощи. Греки крестятся, стоят вдоль тротуаров, выбегают и целуют икону, дотрагиваются до мощей, до адмирала. Все приветствуют друг друга и русских солдат: «Здравствуйте, православные!»

Ближе к вечеру начинается карнавал. Все веселятся: пьют вино, поют, танцуют. Здесь и уличные артисты, и клоуны, и фокусники. Ушаков сидит на балконе виллы вместе с графом Орио, Тизингаузенем, со священником Дорморосом. Они смотрят вниз на площадь, где кипит карнавал. Их приветствуют танцующие. Ушаков, улыбаясь, хлопает в ладоши в такт музыке, Орио кривит губы:

– Ваше превосходительство! Следует плебс*** удерживать в узде, ибо от призывов французской свободы они с ума сходят.

– Граф, – отвечает ему Ушаков, – всех, конечно, всех надо удерживать в порядке и регулярности. Но удерживать надо не уздой, а только молитвой. А этому научить надо с детства, да и самим следовать, тогда всё будет в равновесии.

Корфу – Бари – Неаполь

Ушаков обнял лейтенанта Белли и тихо сказал:

– Ступай, освободи Бари от безбожников республиканских! Да защити угодника Божиего Николая Мирликийского. Сколько он нам, морякам, помогал. Всем солдатам и морякам расскажи, какую они операцию проводят, освобождения святого Спиридона будет стоить.

Корабли Белли подошли к Бари. На шлюпках, вплавь высадились русские пехотинцы, моряки. После штурма предмостных укреплений, ворвались они в город и тремя колоннами двинулись к храму, где

Неаполь покоятся мощи святого Николая. Французы бегут, вот-вот их догонят наступающие русские. Но чудо! Колонны солдат и моряков достигают храма и становятся на колени, крестятся, кто-то плачет.

– Вот, Андрей, — не скрывая слез, обращается к Андрею Щербатому Никола, — Разве гадал я, что у гробницы, у мощей своего Небесного покровителя буду. Крепко он за меня молился, от смерти спас, и сюда на край земли, от моей Ивановки привел.

– Может оно и не край земли для здешних жителей, а поскольку тут сам Никола святой пребывает после кончины своей, то оно и центр для нас русских, кто бы он ни был, из самой России или её малой и белой части. А наш адмирал-то сам как святой, его пули и ядра не берут, нас, грешных, бережет от гибели и вот Святых Спиридона и Николу от безбожников освобождает. Может, и у его могилы, да мощей вот так будут молиться.

Они встают, заходят в храм, достают из ранцев свечи, что подготовил им корабельный священник, прикладываются к мощам и бегут догонять убегающего врага. В храме – молебен. Враги сдаются, бросают оружие у храма.

А затем, после молебна, впереди бегущего военного отряда спешит, прихрамывая, сам лейтенант Белли, англичанин, что стал уже русским православным человеком. Он кричит подбежавшему адъютанту:

– Пленных сопроводить к транспортному кораблю и отпустить под честное слово, что они с нами больше сражаться не будут. Так повелел адмирал...

Санкт-Петербург.

Санкт-Петербург, 1803-1805 год. В кабинет командующего Балтийским флотом адмирала Ушакова стремительно зашёл вице-адмирал Карцев.
– Что делается? Что делается, Федор Федорович! Эти советники нашептывают императору, что флот нам не нужен. Будет через два дня у императора совещание открытое о судьбе флота. Ты уж громыхни там в защиту нашего горемычного флота.

Удивительно, нам-то этого англомана Воронцова посадили, а он вместо того, чтобы владычице морей услужить, ни о чем и не думает. Тебе бы, Федор, министром морским-то быть. А у нас министрами морскими в России по знакомству назначают, да обязательно чтобы из Петербурга, из приемных царских, а заслуги военные да знания, да любовь безграничная к Отечеству ни к чему.

– Ладно, Петр, кому быть министром, то императору решать! И в Петербурге есть достойные люди, но и мне не понятно, что они всё в рот иностранцев смотрят, все чистой выгоды ищут там, где должны быть честь и подвиг. На встрече у императора, если пригласят, слово скажу, если дадут. Флот российский в беде оставлять негоже. Ведь если флоту худо, то и всей России худо бывает.

* * *

Император Александр I многим причинам России в числе первых морских держав быть нельзя. Да в этом ни надобности, ни пользы не предвидится. Прямое наше

Зал императорских заседаний. В торце длинного стола на возвышенном месте сидел Император Александр I. Он был напряжён, не понимая предмета обсуждения. О чем страсти? Обратился к собравшимся:

– Господа! Просил бы вас высказаться о судьбе флота нашего. Нужен ли он России в таком виде и количестве? Ваши соображения, господа! Вот вы, как глава Комитета образования флота, скажите свое слово, Александр Романович.

Воронцов встал вальяжно, уверенно начал, пересыпая свою речь английскими словами:

– Ваше Величество. Тут все ясно. Великая Британия, владычица морей, может и должна иметь великий флот. Ибо её владения в Атлантике, Тихом и Индийском океанах защищать надо. Да и торговать ей надо со всем миром. У России же таких владений нет. Есть всего два моря, и нужно содержать большой флот. Надо всем давно понять, что по многим причинам России в числе первых морских держав

могущество может быть только в сухопутных войсках. Экспедиции же всякие, как была в Средиземное море, никакой славы, пользы и блеска не принесли.

Адмирал Мордвинов, ушедший в отставку с поста министра, в ответ на просьбу Александра I высказать своё мнение, встал и развел руками:

– Возражать что-либо Александру Романовичу трудно, он такое решение выносил как решение нового времени. Я б попросил отнестись к сему решению осторожно.

Вскочил новый министр Чичагов:

– Нет, нет. Флот надо развивать. Есть проекты. Строить, увеличивать штаты. Нам у англичан надо многому учиться, проектов много, средств требуется много. Ваше Величество, просим средств все больше и больше.

Кто-то что-то ещё говорил. Александра I напряженно смотрел на Ушакова: дать слово? Не дать? Потом решил:

– Вижу, вижу, господин адмирал, рвётесь сказать о ваших победах. Знаю, не дёшево они вам обошлись.

Ушаков встал, сжал ладони в кулаки, опёрся ими о стол:

– Ваше Величество! Заявление о том, что России большой флот не нужен, не от большого ума.

Воронцов вспыхнул, Император покачал головой, но не перебил.

– У Англии океанов много, – продолжал Ушаков, – но и у России их не немало. Ведь из Чёрного и Балтийского морей прямой выход в Атлантику, а на востоке – Тихий океан. Ведь у нас там Аляску охранять надо. А торговать, что, одной Англии пристало? Мы из Одессы, Ревеля, Риги, Архангельска товары можем и должны вести. Конечно, можно и Балтику оставить, и Крым туркам отдать. Но сколько мы там крови пролили. Да и земли эти древние славянские, их охранять, возделывать надо. Господин граф забыл, что Пётр Великий сказал: то государство, которое армию имеет – одну руку имеет, а то, которое и флот имеет, то две руки имеет. Почто он Россию однорукой хочет сделать?

Воронцов привстал, порываясь что-то сказать, но Александр успокоил его жестом. Ушаков продолжал:

– А господин министр считает, что деньгами сорить – самое главное. Тут ведь надо точный план выстроить, какой корабль за каким строить, как оснащать, да, главное, людей, команду, командиров научить. И не по знакомству их назначать, а за умение и знание. А то ведь у нас говорят, что флот нынешний создаётся не для неприятелей, а для приятелей.

Чичагов попытался что-то выкрикнуть, но вовремя замолчал, увидев, как Император внимательно слушает Ушакова. А тот с мольбой продолжил:

– Ваше Величество! Нельзя России без флота! Нельзя его для прогулок содержать. Если плохо флоту, то и России плохо будет.

Александр минуту в задумчивости молчал. Молчали все. Затем Император встал и тихо сказал:

– Будем думать, господа. Ведь если флоту плохо, то и России плохо будет, – глянув с усмешкой на Ушакова, закончил. – Так вы нам пророчите, господин адмирал.

Последние годы жизни

После блистательных побед Черноморского корабельного флота под командованием Ф. Ф. Ушакова в войнах с Турцией и Францией великому флотоводцу довелось испытать немилость царского двора. В результате придворных интриг Александр I назначил Ушакова командующим Балтийским галерным флотом, утратившим бывшее значение важной составной части вооружённых сил империи.

Скрепя сердце адмирал покидал молодой Севастополь, становлению которого уделял так много внимания и забот, ласково называл «прибежищем славы корабельных эскадр», где имел собственный дом и рассчитывал обустроить в старости свою личную жизнь.

В Петербурге Ушаков около пяти лет занимался делами галерного флота и одновременно почти три года являлся старшим флотским начальником. Руководство Морского министерства редко интересовалось состоянием дел, слабо реагировало на запросы и предложения командующего. Служба тяготила адмирала, напоминала о причиненной обиде, вызывала непроходящую душевную боль.

И наступил предел терпению - 19 декабря 1806 года Ушаков написал царю прошение об отставке с военной службы.

«...Ныне же при старости лет моих (ему было 62 года) отягощён душевной и телесной болезнью и опасаясь при слабости здоровья моего быть в тягость службе..., - писал он. – Не прошу награды знатных имений, высокочтимыми предками вашими за службу мою мне обещанных, и удовлетворюсь, всемилостивейший государь тем, что от высочайшей щедрости вашей определено будет на кратковременную жизнь мою...».

17 января 1807 года Ф. Ф. Ушаков получил желанную отставку (абшит) с правом ношения мундира и годовым жалованием в 2000 рублей. В одном из сопроводительных документов говорилось, что «крестьян за ним, состоит мужского полу 40 душ», доставшихся по наследству. Находились они на Ярославщине, в Романовском уезде, неподалеку от Волги, где прошло его детство до поступления на учебу в столичный Морской корпус.

О каких же знатных имениях, обещанных Екатериной II и Павлом I в награду за боевые заслуги, вскользь упомянул Ушаков во всемилостивейшем прошении Александру I?

Оказывается, за победы над турецким флотом при Тендре в 1790 году и при Калиакре в 1791 году Ф.Ф. Ушакову были пожалованы 700 крестьян, в том числе 500 душ в Могилевском наместничестве и 200 душ в Тамбовской губернии.

После присоединения Крыма к России в 1783 году отличившиеся в русско-турецких войнах военачальники получили земельные наделы в «полуденном крае». Среди них был и Ф.Ф. Ушаков, ставший уже вице-адмиралом, командующим Черноморским флотом.

Как явствует из архивного источника, в окрестностях Севастополя ему выделили следующие земли: на Северной стороне – бывшая татарская деревушка Учкуй с прилегающими угодьями для создания усадьбы – 1450 десятин 1134 сажени, а в устье реки Бельбек ещё 7 десятин для посадки фруктового сада; на Южной стороне – возле Георгиевского монастыря для устройства хутора – 1005 десятин 1223 сажени.

Таким образом, общая площадь земельных наделов Ф. Ф. Ушакова составляет 2683 гектара.. Для создания крупного помещичьего хозяйства прежде всего требовались крепостные люди, но не только их, даже свободного от службы времени командующий флотом почти не имел.

«Комиссия в Крымском полуострове, для рассмотрения споров по землям учрежденная», в своем определении от 17 мая 1807 года признала, названные земли «принадлежащими адмиралу Ушакову на правах собственности». Однако ко времени составления им духовного завещания (30 мая 1810 года) от столь значительных владений ничего не осталось!

Что же случилось? Куда все это делось?

Обратимся к хронологии жизни и деятельности Ф.Ф. Ушакова, заверенной печатью Адмиралтейства – коллегии, скрепленной подписями восьми его современников, в том числе четырех адмиралов российского флота.

«По семейным преданиям, - говорится там, - все полученное адмиралом Ушаковым во время службы имущество отдано в казну». Документов нет, но «Ушаковские земли» числятся за Черноморским ведомством.

За возможность такого отказа от своего имущества в пользу казны говорит следующий факт. 11 декабря 1806 года адмирал Ушаков преподнес в дар Отечеству 2000 рублей, пять медных пушек и алмазный челенг (драгоценное украшение на шляпу), подаренный ему Селимом III...» за взятие в 1799 году французской крепости Корфу объединенными силами русско-турецкого флота.

Из архивных дел Морского генерального штаба России за 1913 год известно, что своими наследниками Ф. Ф. Ушаков, так и не обзаведшийся своей семьей, объявил детей покойного младшего брата надворного советника И. Ф. Ушакова – племянника мичмана Николая, гардемарина Федора и племянницу девицу Павлу, передав им еще при жизни принадлежащие ему деревни в Ярославской и Новгородской губерниях, в которых насчитывалось 188 крестьянских семей, приобретенных по купчим крепостям.

Исполнив «отеческий долг» перед близкими родственниками, Ф. Ф. Ушаков решил покинуть чопорную столицу, где проживал в казенном доме 4-й части лейб-гвардии Измайловского полка.

Местом «тихой жизни» он избрал Тамбовскую губернию, Темниковский уезд, где в приобретенной деревеньке Алексеевке строилась небольшая усадьба с двухэтажным особняком.

Вероятность такого выбора объясняется тем, что поблизости находился величественный Санаксарский монастырь, возрожденный стараниями давно усопшего И. И. Ушакова, родного дяди адмирала, о котором он хранил светлую память.

Эта версия изложена М.Т. Петровым в историческом романе «Боярин российского флота», опубликованном Мордовским книжным издательством в 1981 году.

Усадьба Ф.Ф. Ушакова в Алексеевке

Настоятель монастыря иеромонах Нафанаил, свидетель последнего периода жизни и устроитель соборного (торжественного) погребения, сообщал: «Адмирал Ушаков, сосед и знаменитый благотворитель Санаксарского монастыря, по прибытии своем из Петербурга около восьми лет жил уединенно в собственном доме своем, в своей деревне Алексеевка, расстоянием от монастыря через лес версты три...». По воскресным дням и в церковные праздники он приезжал туда на богослужения, а в великий, пост даже жил там в предоставляемой ему монастырской келье. Умер Федор Федорович Ушаков на 73-м году жизни «натуральной смертью по старости лет своих» 2(14) октября 1817 года, почитаемым дворянином Тамбовской губернии.

Санаксарский монастырь, 1812 год

Известно, что во время наполеоновского Нашествия на Россию адмирал, был избран на альтернативной основе из восьми кандидатур начальником губернского ополчения, но принять этот пост не смог по состоянию здоровья. По окончании войны адмирал пожертвовал «разорённым людям» свой банковский капитал (двадцать тысяч рублей с процентами, хранящихся в столичном опекуном совете). Так отозвалась его душа на великую народную боль. Сообщая об этом, «Тамбовские губернские ведомости» указывали, что у могилы адмирала в Санаксарском монастыре часто бывают почитатели разных чинов и званий, молятся за упокой его щедрой души.

* * *

Адмирал стоял в правом приделе. Усердно молился, полузакрыв глаза. Монашеский хор слева на алтаре вел молитвенное песнопение. Сегодня Радоница... «Упокой душу раба твоего!» И перед глазами встают до боли знакомые, родные лица – отец, мать, игумен

Феодор – дядя, капитаны его кораблей, моряки, офицеры, греки, севастопольцы... «Упокой! Упокой, Господи!» - шепчет он, - Вечная память!»

Заканчивается молитва, все монахи идут в трапезную, он же возвращается в келью, где пребывает уже десять дней. Там становится на колени и молится за своих близких, за людей, за Россию. Для него сейчас это главное, ведь уже стар и не может войском командовать... А душа болит: «Спаси, Господи! Отечество наше русское от злого нашествия наполеоновского, от раззора земли нашей».

Внезапно у входа раздался шум, возгласы:

Санаксарский монастырь

– Нужен он, нужен Отечеству. Потом помолится, сейчас некогда молиться. Ушаков вышел на крыльцо, оборвал крикунов, среди которых много знакомых тамбовских и темниковских дворян.

– Что расшумелись? – недовольно проговорил он. – Негоже в монастыре гам и шум учинять. А молиться всегда время. И тот, кто откладывает молитву на удобное время, тот гневу Господнему подвергается и в немощи пребудет.

Дворянские представители засмутились:

– Да мы, Ваше Превосходительство, к вам по великой и важной задаче обращаемся. Враг идет на Россию...

Ушаков перебил:

– Стар я уже, чтобы войском пешим командовать... Но проводить его приду.

* * *

В здании дворянского собрания собрались ополченцы. Бывшие преображенцы и семёновцы, бывалые и умудрённые воины суворовского альпийского перехода, солдаты Аустерлица и юные недоросли*, горящие огнём нетерпения, готовые идти прямо в бой.

Ушаков огляделся и из строгого сгорбленного человека вдруг превратился в высокого, крепкого богатыря-воина.

Непобедимый адмирал обвёл взором небольшой отряд ополченцев, который тоже встал, и, перекрестив его, твёрдым ещё голосом сказал: «С Богом! За Веру, Царя и Отечество послужите!»

Заключение

На родине, в России, воинская слава Ушакова померкла, была забыта и его жизнь. Но оказалось, что России нужен ее Святой адмирал!

Подвиги Ушакова, его заслуги, подвижничество и слава оказались необходимы в тяжелые для нашего народа годы Великой Отечественной войны. Тогда были учреждены орден и медаль адмирала Ушакова. Эти награды стали высшими для воинов и моряков.

За благочестивую жизнь, милосердие и самоотверженный подвиг адмирал Российского флота Федор Федорович Ушаков был причислен к лику святых. Русские воины, Русский флот и вся земля русская обрели небесного покровителя.

* * *

Оригинальный намогильный «памятник дядюшке», сооруженный на средства младшего племянника, простоял более столетия, пока не был разрушен в 20-е годы.

Заново обустроенная в 1958 году могила Ф. ф. Ушакова, специально посланной туда из Москвы группой военных Моряков, выглядит теперь по-иному. На постаменте установлен скульптурный портрет великого флотоводца, отлитый из чугуна темниковским мастером В. Дворниковым. Моделью для отливки послужил гипсовый бюст адмирала, созданный профессором М. М. Герасимовым в 1944 году по

антропологическим измерениям черепа, временно извлекавшегося из могилы при её вскрытии. Соавторы скульптурного портрета запечатлели облик замечательного патриота, человека нелегкой судьбы, обладавшего щедрой душой

и высоким духом. Взгляд его устремлен вдаль, в будущее. И кажется, что губы адмирала чуть-чуть шевелятся, что-то шепчут, словно завещают нам свято хранить честь и славу моряков отечественного военно-морского флота.

Ф. Ф. Ушаков

Реконструкция

М. М. Герасимова. 1945

На родине адмирала Ушакова в селе Бурнаково установлен Памятный крест, а в центре Рыбинска - памятник, который напоминает всем нам о том, что защита Отечества священна, и служить ему надо так, как служил его славный сын Федор Ушаков.

* * *

Вся жизнь их – подвиг неустанный.
Они, не пожалев сердец,
Сверкают темой для романа
И дали чести образец.
Их жизнь не промелькнула мимо,
Не затерялась вдалеке.
Их след лежит неизгладимо
На времени и моряке.

Б. Пастернак

Примечания

Глава 1. 1817 год...

Ахтияр* – город. Этим именем Севастополь именовали в 1796 -1804 г. по решению Павла I
Саван –** Одежда для усопшего или покрывало, которым накрывают тело в гробу.

Глава 2. Детство

Преображенцы* – солдаты Преображенского полка

Скит** – келья отшельника в отдалении от монастырей.

Глава 4. Мечта

Верша* – рыболовное орудие типа ловушки;

Дворня** –дворовые крестьяне, в Русском государстве зависимые лица (челядь, холопы и др.), жившие при дворе помещика и обслуживавшие его и его семью.

Псалтырь*** – богослужебная книга, содержащая библейскую книгу псалмов («Книгу хвалений»).

Глава 5. Бурнаково

Дошаники* – лёгкие лодки из кедра

Каюки** – челн или лодка

Шуга*** – скопления рыхлого льда в водной толще или на поверхности водоема.

Кресало**** – камень для высекания огня.

Глава 6. Волга, Святая Русь

Кипр* – остров в Средиземном море.

Итальянский** – итальянский

Инок**** – одно из названий православного монаха.

Глава 8. В Петербурге у Божьего служителя

Радит* – заботится

Глава 10. Кицин дом

Гардемарин* – морской гвардеец

Амуниция** – военное снаряжение

Каптенармус***. – звание, относящееся к старшим унтер-офицерам

Глава 12. На Кронштадтском эллинге

Эллинг* – сооружение, предназначенное для постройки, ремонта, технического обслуживания кораблей

Баркас** – самоходное судно небольших размеров для перевозок в порту.

Глава 13. Обычный учебный день

Рында* – особый бой (звон) — 3 удара в судовой колокол в полдень

Глава 14. Долгожданная встреча

Шквал* – резкое кратковременное (от минуты до нескольких минут) усиление ветра иногда до 30-70 м/с с изменением его направления, чаще всего при грозе.

Гальюн** – свес в носовой части корабля, на котором устанавливалось украшение. На таких же свесах по бортам обустраивались отхожие места для экипажа.

Бушприт*** – горизонтальный или наклонный брус, выступающий за форштевень парусного судна. Служит главным образом для крепления носовых парусов.

Переборки**** – перегородка внутри каюты, легкая внутренняя стенка разделяющая каюту.

Склянки***** – песочные часы с получасовым ходом.

Глава 17. Вокруг Скандинавии

Пинк* – двух или трехмачтовое парусное судно с косыми латинскими или прямыми парусами.

Глава 18. Императорский кабинет

Монаршая милость* – милость, поддержка Императора

Глава 20. Алексей Наумович Сенявин и южный флот России

Рекруты* – лицо, принятое на военную службу по найму или по повинности.

Верфь** – предприятие для постройки судов.

Артели*** – различные виды объединения граждан для общей хозяйственной деятельности.

Глава 21. По Дону на праме

Понтон* – плоскодонное несамостоятельное судно с палубой или без нее.

Глава 22. Таганрог – Крым – Балаклава

Стапель* – сооружение для постройки судна и спуска его на воду.

Дубельшлюпка** – название мелких беспалубных парусно-гребных судов.

Палубный бот*** – небольшое одномачтовое судно для прибрежного плавания.

Глава 23. Мудрое решение

Прожект* – проект, план, разработка

Корсар** – морской разбойник, пират

Глава 25. «Северный орёл»

Обсервация* – определение географических координат судна по наблюдениям объектов с известными координатами (береговые ориентиры, радиомаяки, небесные светила и т. д.).

Периодические обсервации необходимы для проверки точности счисления пути судна

Глава 26. Ливорно – Константинополь

Экзерциции –

Глава 27. 1799год. Корфу. Пасха

Хоругви* – вертикально свисающее полотнище с изображением Христа или святых, укрепленное на длинном древке и носимое при крестных ходах.

Штандарт** – Императорский (королевский) флаг в России и других странах, а также флаг главы государства, поднимаемый во время пребывания императора или главы государства на военном корабле (судовой штандарт) или во дворце (дворцовый штандарт).

Плебс*** – то же, что плебеи – простой народ, т. е. все граждане, числившиеся ниже высоких сословий. В переносном смысле — простолюдины.

Глава 29. Санкт – Петербург

Реляция* – Описание боевых подвигов военнослужащих и воинских частей при представлении их к награде.

Глава 31. Санаксарский монастырь

Недоросль* – молодой дворянин, не достигший совершеннолетия и не поступивший на государственную службу.

Библиография

1. Адмирал Ушаков / Под ред. и со вступ. статьей Р.Н. Мордвинова/. Т. 1-3.-М.: Военмориздат, 1951 - 1956.
2. Ганичев В. Замысел сценария // Роман-журнал XXI век. – 2006, №6. – С. 15-38.
3. Ганичев В.Н. Ушаков. - М.: Мол. гвардия, 1990. - 462 с.: ил. - (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.; Вып. 712).
4. Ганичев В.Н. Флотовождь: (О Ф.Ф. Ушакове). - М.: Патриот.
5. Гармаш П.Е. Штурм Корфу. - М.: Воениздат, 1990. -110 с.- (Героич. прошлое нашей Родины).
6. Зонин А.И. Федор Федорович Ушаков. - М.: Мол. гвардия, 1944. - 88 с.
7. «Не мне слава, а народу нашему...»: (К 250-летию со дня рождения Ф.Ф. Ушакова) // Геополитика и безопасность. - 1994. -№2.- С. 180-196.
8. Овчинников В.Д. Федор Федорович Ушаков. - М.: Андреевский флаг, 1995.
9. Овчинников В.Д. В служении Отечеству. (Адмирал Ф.Ф. Ушаков: неизвестные страницы жизни). Ярославль, 1993;
10. Петров М. Т. Русские полководцы. Адмирал Ушаков. – М.: Астрель, 2004.
11. Раковский Л.И. Адмирал Ушаков: Роман. - Симферополь: Таврия, 1990. - 228 с.: ил. - (Мор. б-ка; Кн. 63).
12. Святой флотоводец России. Жизнь и деяния святого праведного воина Феодора Ушакова, адмирала непобедимого /под ред. А. В. Блинского/. – С-П.: Сатись. Держава, 2007
13. Сергеев-Ценский С.Н. Адмирал Ф.Ф. Ушаков: Ист. очерк // Сергеев-Ценский С.Н. Витязи морей: Ист. очерки, рассказы, новеллы, статьи. - М.: Воениздат, 1985.
14. Снегирев В.Л. Адмирал Ушаков. - М.: Воениздат, 1947. - 361 с.: ил. - (Замечат. рус. воен. деятели).
15. Тарле Е.В. Адмирал Ушаков на Средиземном море // Под Андреевским флагом: Век XVIII. - М.: Патриот, 1994.